

Элберте против Латвийской Республики

[Elberte v. Latvia] (жалоба № 61243/08)

КАРТОЧКА ДЕЛА

Орган, вынесший судебный акт	Четвертая Секция Суда
Тип документа	Постановление (по существу и в отношении справедливой компенсации)
Наименование дела	Элберте против Латвийской Республики
Номер жалобы	61243/08
Представитель заявительницы	И. Никульцева
Дата вынесения Постановления	13/01/2015
Резолютивная часть	Статья 8 Конвенции применима. Предварительные возражения рассмотрены одновременно с существом жалобы и отклонены (пункт 3 статьи 35 – <i>ratione materiae, ratione personae</i>). Остальная часть жалобы неприемлема для рассмотрения по существу. Нарушение статьи 3 – запрет пыток (унижающее и бесчеловечное обращение) (материальный аспект). Нарушение статьи 8 – право на уважение личной и семейной жизни (пункт 1 статьи 8 – уважение личной жизни). Присуждена компенсация морального вреда
Статьи Конвенции	Статья 3, статья 8, пункт 1 статьи 8, пункт 2 статьи 8, статья 35, пункт 1 статьи 35, пункт 3 статьи 35, статья 41
Особые мнения	Есть
Прецедентное право, применимое к данному делу	– Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А В и С против Ирландии» (A V and C v. Ireland) от 16 декабря 2010 г., жалоба № 25579/05, §§ 218–241; – Постановление Европейского Суда по делу «Аккум и другие против Турции» (Akkum and Others v. Turkey), жалоба № 21894/93, ECHR 2005-II (извлечения), §§ 258–259; – Постановление Европейского Суда по делу «Акпынар и Алтун против Турции» (Akrınar and Altun v. Turkey) от 27 февраля 2007 г., жалоба № 56760/00, §§ 84–87; – Постановление Европейского Суда по делу «Арская против Украины» (Arskaya v. Ukraine) от 5 декабря 2013 г., жалоба № 45076/05, §§ 75–81; – Постановление Европейского Суда по делу «Базьякс против Латвийской Республики» (Bazjaks v. Latvia) от 19 октября 2010 г., жалоба № 71572/01, § 74; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (Broniowski v. Poland), жалоба № 31443/96, ECHR 2004-V, §§ 147 и 184; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Калвелли и Чильо против Италии» (Calvelli and Ciglio v. Italy), жалоба № 32967/96, ECHR 2002-I, § 51; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Центр правовых ресурсов в интересах Валентина Кемпеану против Румынии» (Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania) от 17 июля 2014 г., жалоба № 47848/08, §§ 96–100;

Прецедентное право,
применимое к данному делу

- Постановление Европейского Суда по делу «Гласс против Соединенного Королевства» (*Glass v. United Kingdom*), жалоба № 61827/00, *ECHR* 2004-II, § 71;
- Решение Европейского Суда по делу «Гришанкова и Гришанковс против Латвийской Республики» (*Grišankova and Grišankovs v. Latvia*), жалоба № 36117/02, *ECHR*-2003 II (извлечения);
- Постановление Европейского Суда по делу «Эсмухамбетов и другие против Российской Федерации» (*Esmukhambetov and Others v. Russia*) от 29 марта 2011 г., жалоба № 23445/03, §§ 138–151 и 190;
- Постановление Европейского Суда по делу «Фарбтуш против Латвийской Республики» (*Farbtuhs v. Latvia*) от 2 декабря 2004 г., жалоба № 4672/02, § 54;
- Постановление Европейского Суда по делу «Адри-Вионнет против Швейцарии» (*Hadri-Vionnet v. Switzerland*) от 14 февраля 2008 г., жалоба № 55525/00, § 51;
- Постановление Европейского Суда по делу «Ясинскис против Латвийской Республики» (*Jasinskis v. Latvia*) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 45744/08, § 50;
- Постановление Европейского Суда по делу «Хаджалиев и другие против Российской Федерации» (*Khadzhaliyev and Others v. Russia*) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 56760/00, §§ 84–87;
- Решение Европейского Суда по делу «Лиепайниекс против Латвийской Республики» (*Liepājnieks v. Latvia*) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 37586/06, §§ 73–76;
- Решение Европейского Суда по делу «Объединение латвийских молодых фермеров против Латвийской Республики» (*Latvijas jauno zemnieku apvienība v. Latvia*) от 17 декабря 2013 г., жалоба № 14610/05, §§ 44–45;
- Постановление Европейского Суда по делу «Лулуев и другие против Российской Федерации» (*Luluyev and Others v. Russia*), жалоба № 69480/01, *ECHR* 2006-XIII (извлечения), §§ 116–118;
- Постановление Европейского Суда по делу «Михайловс против Латвийской Республики» (*Mihailovs v. Latvia*) от 22 января 2013 г., жалоба № 35939/10, §§ 157–158;
- Постановление Европейского Суда по делу «Мубиланзила Маека и Каника Митунга против Бельгии» (*Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium*) от 12 октября 2006 г., жалоба № 13178/03, § 61;
- Постановление Европейского Суда по делу «М.Р. и другие против Болгарии» (*M.P. and Others v. Bulgaria*) от 15 ноября 2011 г., жалоба № 13178/03, § 61;
- Постановление Европейского Суда по делу «Нагла против Латвийской Республики» (*Nagla v. Latvia*) от 16 июля 2013 г., жалоба № 73469/10, § 48;
- Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерылдыз против Турции» (*Öneriyıldız v. Turkey*), жалоба № 48939/99, *ECHR* 2004-XII, § 92;
- Постановление Европейского Суда по делу «Петрова против Латвийской Республики» (*Petrova v. Latvia*) от 24 июня 2014 г., жалоба № 4605/05, § 35;
- Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «С. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, *ECHR* 2008, §§ 95–96;
- Постановление Европейского Суда по делу «Сабанчиева и другие против Российской Федерации» (*Sabanchiyeva and Others v. Russia*), жалоба № 38450/05, *ECHR* 2013 (извлечения), § 123;
- Постановление Европейского Суда по делу «Салахов и Ислямова против Украины» (*Salakhov and Islyamova v. Ukraine*) от 14 марта 2013 г., жалоба № 28005/08, § 199;

<p>Прецедентное право, применимое к данному делу</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Постановление Европейского Суда по делу «Савичс против Латвийской Республики» (Savičs v. Latvia) от 27 ноября 2012 г., жалоба № 17892/03, §§ 113–117; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины» (Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina), жалобы №№ 27996/06 и 34836/06, <i>ECHR</i> 2009, § 27; – Постановление Европейского Суда по делу «Сергиенко против Украины» (Sergiyenko v. Ukraine) от 19 апреля 2012 г., жалоба № 47690/07, §§ 40–43; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (Svinarenko and Slyadnev v. Russia) от 17 июля 2004 г., жалобы №№ 32541/08 и 43441/08, §§ 113–118; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (Taxquet v. Belgium) жалоба № 926/05, <i>ECHR</i> 2010, § 83; – Постановление Европейского Суда по делу «Валерий Фуклев против Украины» (Valeriy Fuklev v. Ukraine) от 16 января 2014 г., жалоба № 6318/03, §§ 77–83; – Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во против Франции» (Vo v. France), жалоба № 53924/00, <i>ECHR</i> 2004-VIII, § 90
--	---

Элберте против Латвийской Республики

[*Elberte v. Latvia*] (жалоба № 61243/08)

АННОТАЦИЯ ДЕЛА

Заявительницей по данному делу является Дзинтра Элберте (*Dzintra Elberte*), гражданка Латвийской Республики, родившаяся в 1969 году и проживающая в г. Сигулда (*Sigulda*), Латвийская Республика.

Дело касается изъятия тканей из тела умершего мужа заявительницы судебно-медицинскими экспертами без согласия заявительницы и без ее уведомления об этом.

19 мая 2001 г. муж заявительницы погиб в автомобильной катастрофе. На следующий день его тело было доставлено в судебно-медицинский центр для проведения вскрытия. Впоследствии по государственному соглашению некоторые ткани были изъяты из тела мужа заявительницы и направлены в компанию в Германии, которая переработала их в биоимпланты. Заявительница узнала об изъятии тканей только через два года, когда полиция безопасности возбудила уголовное дело по фактам незаконного изъятия в Латвии органов и тканей в 1994–2003 годах и связалась с заявительницей. Обвинений предъявлено не было.

Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявительница обжаловала тот факт, что изъятие тканей из тела ее мужа было проведено без ее согласия и что в результате была нарушена физическая целостность тела ее мужа. Ссылаясь также на статью 3 Конвенции, заявительница жаловалась на то, что тело ее мужа было возвращено со связанными ногами. В заключение, ссылаясь на статью 13 Конвенции, заявительница утверждала, что существовало несколько возможных толкований внутригосударственного законодательства относительно права ближайших родственников выражать согласие или несогласие применительно к изъятию тканей.

По делу установлено нарушение статей 3 (жестокое и унижающее достоинство обращение) и 8 (уважение семейной жизни) Конвенции. Постановлено, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции.

Компенсация. Выплачены 16 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 500 евро – судебных расходов и издержек.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (Четвертая Секция)

Дело «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики»¹ (Жалоба № 61243/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 13 января 2015 г.

По делу «Элберте против Латвийской Республики» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Пааиви Хирвелаа, *Председателя Палаты,*

Инеты Зиемеле,

Георга Николау,

Ноны Цоцория,

Здравки Калайджиевой,

Кжиштофа Войтишека,

Фариса Вехабовича, *судей,*

а также при участии Фатоша Араджи, *заместителя Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 4 ноября и 2 декабря 2014 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 61243/08, поданной против Латвийской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Латвийской Республики Дзинтрой Элберте (*Dzintra Elberte*) (далее – заявительница) 5 декабря 2008 г.

2. Интересы заявительницы в Европейском Суде представляла И. Никульцева (*I. Nikulceva*), адвокат, практикующая в г. Риге. Власти Латвийской Республики были представлены своими Уполномоченными, сначала И. Рейне (*I. Reine*), а затем К. Лице (*K. Līce*).

3. Заявительница утверждала, в частности, что без ее согласия или уведомления у ее умершего мужа были взяты образцы тканей и что ее муж был похоронен со связанными ногами.

4. 27 апреля 2010 г. власти Латвийской Республики были официально уведомлены о жалобе на нарушение статей 3 и 8 Конвенции. 9 июля 2013 г. было решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с принятием решения по вопросу о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29 Конвенции).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1969 году и проживает в г. Сигулда (*Sigulda*). Она является женой Эгилса Элбертса (*Egils Elberts*) (муж заявительницы), гражданина Латвийской Республики, 1961 года рождения, который умер 19 мая 2001 г.

¹ Перевод с английского Ю.Ю. Берестнева.

² Настоящее Постановление вступит в силу в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции. Информация о вступлении Постановления в силу будет опубликована в следующих выпусках издания (*примеч. редактора*).

А. События, приведшие к тому, что заявительница узнала об изъятии тканей

6. 19 мая 2001 г. муж заявительницы попал в автомобильную аварию в волости Аллажи (*Allaži*). Его повезли на «скорой помощи» в больницу г. Сигулда, но он скончался по дороге вследствие полученных травм. Его тело было помещено в морг больницы в г. Сигулде. Свекровь заявительницы, работавшая в больнице г. Сигулде и незамедлительно узнавшая о гибели сына, оставалась рядом с его телом в больнице г. Сигулда до тех пор, пока его не отправили в Государственный центр судебно-медицинской экспертизы (далее – судебно-медицинский центр) (*Valsts tiesu medicīnas ekspertīžu centrs*) в г. Риге.

7. 20 мая 2001 г., в 5.00, тело было доставлено в судебно-медицинский центр с целью установления причины смерти. С 13.00 до 15.00 проводилось вскрытие, в результате которого было выявлено наличие многочисленных травм в области головы и груди, в том числе несколько сло-манных ребер и перелом позвоночника. Кроме того, имелись гематомы на правом плече, бедре и коленном суставе. Судебно-медицинский эксперт Н.С. классифицировал травмы как серьезные и опасные для жизни и установил причинно-следственную связь между ними и гибелью мужа заявительницы.

8. Согласно данным властей государства-ответчика после проведения вскрытия Н.С. проверил отсутствие в паспорте Э. Элбертса штампа о том, что тот против изъятия у него тканей, и изъял из тела Э. Элбертса фрагмент ткани, размером 10 × 10 см – наружный слой оболочки головного мозга, твердой мозговой оболочки (*dura mater*¹). По словам заявительницы, Н.С. не мог проверить наличие штампа в паспорте Элбертса, поскольку в тот момент паспорт находился в их доме в г. Сигулда. Заявительница утверждала, что размер изъятого фрагмента ткани был больше, чем 10 × 10 см, и что он состоял не только из твердой оболочки головного мозга.

9. 21 мая 2001 г. прокуратура выдала разрешение на захоронение тела. По утверждениям заявительницы, 21 или 22 мая 2001 г. ее сестра приехала в судебно-медицинский центр, чтобы получить заключение о причине смерти, в связи с чем она расписалась в регистрационном журнале. 22 мая 2001 г. ее сестра представила данный документ вместе с паспортом Э. Элбертса в соответствующий орган власти в г. Сигулда, чтобы получить свидетельство о смерти.

10. По данным властей государства-ответчика, 25 мая 2001 г. тело Э. Элбертса было передано родственнику. Со слов заявительницы, оно было передано другому лицу, которое просто помогло при транспортировке тела до похорон.

11. 26 мая 2001 г. состоялись похороны в г. Сигулда. Заявительница впервые увидела своего покойного мужа, когда его тело перевозили обратно из судебно-медицинского центра для похорон. Она увидела, что у него были связаны ноги. В таком положении он и был похоронен. В то время сама заявительница была беременна их вторым ребенком.

12. Заявительнице не было известно, что была изъята ткань из тела ее мужа, пока сотрудники полиции безопасности не сообщили ей о том, что было возбуждено уголовное дело по фактам незаконного изъятия человеческих органов и тканей и ткани были изъяты из тела ее мужа.

В. Уголовное расследование по фактам незаконного изъятия человеческих органов и тканей

13. 3 марта 2003 г. полиция безопасности (*Drošības Policija*) возбудила уголовное дело в связи с незаконным изъятием органов и тканей для последующей поставки их фармацевтической компании, находившейся в Германии (далее – компания), в период с 1994 по 2003 год. Была установлена следующая последовательность событий.

14. В январе 1994 года институт, существовавший до создания судебно-медицинского центра, заключил соглашение с компанией о сотрудничестве с целью научных исследований. Согласно этому соглашению были изъяты различные виды тканей из тел умерших, выбранных судебно-медицинским центром в соответствии с международными стандартами, и направлены в компанию для обработки. Компания перерабатывала полученные фрагменты тканей в биоим-планты и посылала их обратно в Латвию для использования при трансплантации. Министерство социального обеспечения утвердило содержание соглашения, многократно проверив его соот-

¹ *Dura mater* (лат.) – твердая мозговая оболочка (*примеч. переводчика*).

ветствие внутригосударственному законодательству. Прокуратура вынесла два определения относительно соответствия данного соглашения внутригосударственному законодательству и, в частности, Закону «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине» (далее – Закон).

15. Любому квалифицированному сотруднику (далее – эксперт) судебно-медицинского центра было разрешено проводить изъятие тканей по его или ее усмотрению. Руководитель отделения танатологии судебно-медицинского центра отвечал за их обучение и контроль за их работой. Он также отвечал за отправку фрагментов тканей в Германию. Эксперты получали вознаграждения за свою работу. Первоначально изъятие тканей проводили отделения судебно-медицинского центра, находившиеся в городах Вентспилсе (*Ventspils*), Салдусе (*Saldus*), Кулдига (*Kuldīga*), Даугавпилсе (*Daugavpils*) и Резекне (*Rēzekne*). Однако с 1996 года изъятие тканей проводилось только в судебно-медицинском центре в г. Риге и отделением судебно-медицинского центра в г. Резекне.

16. В соответствии с пунктами соглашения эксперты могли изымать ткани из тел умерших, которые доставлялись в судебно-медицинский центр для проведения судебно-медицинской экспертизы. Каждый эксперт должен был проверить, возражал ли потенциальный донор при жизни против изъятия у него или нее органов или тканей, убедившись в отсутствии штампа об этом в его паспорте. В случае, если родственники возражали против изъятия органов или тканей, они действовали в соответствии с их пожеланиями, но сами эксперты не пытались общаться с родственниками или влиять на их мнение. Ткань должна была быть удалена в течение 24 часов с момента биологической смерти человека.

17. Эксперты были обязаны соблюдать внутригосударственное законодательство, но согласно их собственным показаниям не все из них читали Закон. Однако его содержание было им известно, поскольку руководитель отделения танатологии судебно-медицинского центра разъяснил, что изъятие разрешается только в случаях отсутствия штампа в паспорте о том, что при жизни человек был против изъятия у него органов и тканей, и если родственники не возражали против изъятия.

18. В ходе расследования следователи опросили специалистов в области уголовного права, а также в области, касавшейся изъятия человеческих органов и тканей. В целом они пришли к выводу, что существовали две правовые системы для регулирования вопросов, связанных с изъятием человеческих органов и тканей: «информированное согласие» и «презумпция согласия». С одной стороны, руководитель отделения танатологии судебно-медицинского центра и эксперты судебно-медицинского центра считали, что на тот момент времени (то есть после вступления Закона в силу 1 января 1993 г.) в Латвийской Республике существовала система «презумпции согласия». По их мнению, система презумпции согласия означала, что «всё, что не запрещено, то разрешено». С другой стороны, следователи полагали, что в статье 2 Закона дано четкое указание на то, что правовая система Латвийской Республики более тяготеет к концепции «информированного согласия», и, следовательно, изъятие было допустимо только в случае, когда оно (явно) было разрешено, то есть, когда было получено или согласие донора при его или ее жизни, или согласие родственников.

19. В частности, что касается изъятия тканей из тела мужа заявительницы, 12 мая 2003 г. был допрошен эксперт Н.С. Впоследствии, 9 октября 2003 г., заявительница была признана потерпевшей (*cietušais*) по делу и в тот же день допрошена.

20. 30 ноября 2005 г. было принято решение о приостановлении уголовного расследования в отношении деятельности руководителей судебно-медицинского центра, отделения танатологии судебно-медицинского центра и судебно-медицинского центра в г. Резекне относительно фактов изъятия ткани. В постановлении (*lēmums par kriminālprocesa izbeigšanu*) были отмечены приведенные выше заключения, а расхождения, связанные с возможным толкованием положений внутригосударственного законодательства, были разрешены в пользу обвиняемых. Кроме того, в 2004 году поправки к Закону толковались таким образом, что в Латвийской Республике имела место система «презумпции согласия». Был сделан вывод о том, что разделы 2–4 и 11 Закона не были нарушены и отсутствовал какой-либо элемент состава преступления, предусмотренного статьей 139 Уголовного кодекса Латвийской Республики.

21. 20 декабря 2005 г. и 6 января 2006 г. прокуроры отклонили жалобы, поданные заявительницей, и указали, что постановление о приостановлении производства по делу было законным и обоснованным.

22. 24 февраля 2006 г. вышестоящий прокурор Генеральной прокуратуры Латвийской Республики рассмотрел материалы дела и решил, что расследование не должно было быть приостановлено. Он постановил, что эксперты судебно-медицинского центра нарушили положения Закона и изъятие человеческих тканей было незаконным. Постановление о приостановлении было отменено, материалы дела были направлены в полицию безопасности.

23. 3 августа 2007 г. производство по уголовному делу в той части, в которой оно касалось изъятия ткани из тела умершего мужа заявительницы, было приостановлено вследствие истечения установленного законом срока исковой давности в пять лет. Тем не менее правовое обоснование для приостановления этого расследования заключалось в отсутствии какого-либо элемента состава преступления. 13 августа 2007 г. заявительница была уведомена о данном постановлении. 19 сентября и 8 октября 2007 г. в ответ на жалобы, поданные заявительницей, прокуроры указали, что эти постановления были законными и обоснованными.

24. 3 декабря 2007 г. другой вышестоящий прокурор Генеральной прокуратуры Латвийской Республики рассмотрел материалы дела и пришел к выводу, что производство по делу необходимо возобновить. Прокурор установил, что эксперты судебно-медицинского центра нарушили положения Закона, а также что изъятие ткани было незаконным. Постановление о приостановлении было вновь отменено, и материалы дел были направлены в полицию безопасности.

25. 4 марта 2008 г. было вынесено новое постановление о приостановлении уголовного дела, основанием для которого стало истечение установленного законом срока искового давности. 27 марта 2008 г. в ответ на жалобу заявительницы прокурор еще раз отменил постановление.

26. Было начато новое расследование. В ходе него было установлено, что в 1999 году фрагменты тканей были изъяты у 152 человек, в 2000 году – у 151, в 2001 году – 127 и в 2002 году – у 65 человек. В обмен на поставку компании человеческой ткани судебно-медицинский центр закупал различное медицинское оборудование, инструменты, технологии, а также компьютеры для медицинских институтов Латвийской Республики, а компания их оплачивала. В рамках соглашения общая стоимость медицинского оборудования, за которое заплатила компания, превысила стоимость изъятых человеческой ткани, которая была отправлена в Германию. В постановлении от 14 апреля 2008 г. (см. ниже) отмечалось, что фрагменты человеческой ткани изымались не для трансплантации в соответствии со статьей 10 Закона, а фактически изымались для модификации в другие препараты, которые использовались для пациентов не только Латвийской Республики, но и для пациентов других стран.

27. 14 апреля 2008 г. уголовное расследование было приостановлено в связи с истечением установленного законом срока давности. В постановлении было отмечено, что каждый раз, когда, например, эксперт судебно-медицинского центра в г. Резекне беседовал с родственниками до изъятия органов или ткани, он никогда точно не говорил им о таком потенциальном изъятии и действительно получал их согласие. В соответствии с показаниями всех родственников они никогда бы не согласились на изъятие органов и тканей, если бы их информировали об этом и их пожелания были бы установлены. По показаниям экспертов, они лишь проверяли наличие штампа в паспортах и не спрашивали согласия родственников, поскольку они с ними не контактировали. Также было отмечено, что после вступления Закона в силу 1 января 2002 г. за информацией следовало общаться в Государственный реестр жителей Латвийской Республики, в который эксперты не обращались. Был сделан вывод о том, что эксперты, в том числе Н.С., нарушили статью 4 Закона, а также нарушили права родственников. Тем не менее из-за истечения пятилетнего срока исковой давности (который исчислялся с 3 марта 2003 г.) уголовное расследование было приостановлено, и 9 мая и 2 июня 2008 г. в ответ на жалобы, поданные заявительницей, прокуроры оставили без изменения это постановление. Заявительница подала еще одну жалобу.

28. В то же время эксперты, включая Н.С., подали жалобу, оспаривая доводы для приостановления уголовного дела (*kriminālprocesa izbeigšanas pamatojums*). Они оспорили свой статус

как лиц, в отношении которых было возбуждено уголовное дело, касавшееся незаконного изъятия человеческой ткани, поскольку ни на одном из этапов их не информировали о данном расследовании, и, согласно их утверждениям, они не могли осуществлять свои права на защиту. 26 июня 2008 г. в окончательном постановлении Видземский (*Vidzeme*) районный суд г. Риги удовлетворил жалобу (дело № 1840000303), отменил постановление от 14 апреля 2008 г. и направил материалы дела в полицию безопасности на новое рассмотрение. Суд указал, в частности, следующее:

«Несмотря на то, что определенная часть трансплантатов не была возвращена для трансплантации пациентам Латвийской Республики, в материалах дела нет доказательств того, что их использовали для обработки в другие препараты или для научных или образовательных целей. В связи с этим суд считает, что в материалах дела отсутствуют подтверждения того, что изъятые человеческие ткани использовались для иных целей, кроме трансплантации...

В материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие, что изъятие ткани с целью последующей трансплантации проводилось при полном игнорировании отказа умершего, высказанного при его жизни и зарегистрированного в соответствии с действовавшим в тот период времени законодательством, или с пренебрежительным отношением к отказу, высказанному ближайшими родственниками.

Принимая во внимание тот факт, что законодательные акты не налагают какого-либо обязательства на экспертов, которые проводят изъятие ткани и органов из тел умерших, чтобы информировать людей об их правах на отказ от такого изъятия, суд считает, что эксперты не были обязаны делать это. Не информируя родственников умершего человека о намерении изъять фрагмент ткани, эксперты не нарушали положений [Закона], действовавшего с 1994 года по март 2003 года. Статья 4 [Закона] предусматривает право ближайших родственников отказаться от изъятия органов и/или ткани умершего человека, но не налагает на экспертов обязательств по разъяснению родственникам их прав. Учитывая то обстоятельство, что отсутствуют правовые акты, которые налагают на экспертов обязанность информировать родственников относительно их намерений изъять ткань и/или органы, а также разъяснять родственникам их права возражать путем отказа на дачу согласия, суд считает, что человеку не может быть назначено наказание за невыполнение обязательства, которое не четко прописано в действующем законодательном акте. В связи с этим суд находит, что эксперты, проводя изъятие ткани и органа из тела умершего, не нарушали положений... [Закона].

...Суд считает, что в действиях экспертов не было состава преступления, предусмотренного статьей 139 Уголовного кодекса, следовательно, возможно приостановление уголовного расследования по причинам, исключающим вину, а именно на основании пункта 2 статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса, ввиду отсутствия состава преступления».

29. 2 июля 2008 г. вышестоящий прокурор ответила на жалобу, поданную заявителем. Прокурор признала, что расследование длилось слишком долго вследствие многочисленных жалоб на вынесенные постановления. Однако она не привела каких-либо конкретных обстоятельств, которые указывали бы на то, что производство по делу затягивалось ненадлежащим образом. В то же время она сообщила заявителю, что суд отменил постановление от 14 апреля 2008 г. по жалобе экспертов. Прокурор также указала, что новое постановление о приостановлении уголовного расследования было вынесено 27 июня 2008 г. и что заявительница будет скоро надлежащим образом уведомлена.

30. Действительно, через несколько дней заявительница получила постановление от 27 июня 2008 г. В нем подтверждалось, что у экспертов не было правового обязательства информировать кого-либо об их праве выразить согласие или отказ на изъятие органа или ткани. Статья 4 Закона предусматривает право ближайших родственников возражать против изъятия органов или тканей из тела умершего лица, но не налагает какого-либо обязательства на экспертов по разъяснению родственникам указанного права. Лицо не может подвергнуться наказанию за невыполнение обязательства, которое не было четко прописано в правовой норме, соответственно, эксперты не нарушали Закон. Заявительница подала новые жалобы.

31. 15 августа 2008 г. прокурор ответила, *inter alia*¹, что отсутствовали обстоятельства, указывавшие на осквернение человеческого тела. Вместе с тем она разъяснила, что эксперты совершили действия, связанные с незаконным изъятием ткани, с целью использовать ткань для

¹ *Inter alia* (лат.) – в числе прочего, в частности (*примеч. переводчика*).

медицинских целей. После изъятия ткани для восстановления визуальной целостности тела имплантировался другой материал. Следовательно, уголовное расследование касалось действий, предусмотренных статьей 139 Уголовного кодекса, а не действий, предусмотренных статьей 228 Уголовного кодекса, запрещающей осквернение тел умерших.

32. 10 сентября 2008 г. вышестоящий прокурор ответил, что отсутствовали какие-либо основания для квалификации действий лиц, которые проводили изъятие ткани, согласно статье 228 Уголовного кодекса, как осквернение мертвого тела. Эксперты действовали в соответствии с инструкцией, принятой Министерством юстиции, имплантируя другие материалы на место изъятых тканей. Согласно данной инструкции изъятие тканей должно осуществляться таким образом, чтобы не повредить тело, а в случае необходимости проводится последующее восстановление.

33. 23 октября 2008 г. другой вышестоящий прокурор Генеральной прокуратуры Латвийской Республики вынес окончательное отрицательное постановление.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Документы Совета Европы

34. 11 мая 1978 г. Комитет министров Совета Европы принял Резолюцию (78) 29 «Об унификации законодательства государств-участников по вопросам изъятия, пересадки и трансплантации человеческих биоматериалов», в которой он рекомендовал властям государств-участников обеспечить, чтобы их законодательство соответствовало приложенным к этой Резолюции правилам, либо принять нормы, соответствующие этим правилам, в составе нового законодательства.

Статья 10 указанной Резолюции гласит следующее:

«1. Изъятие биоматериалов не должно производиться при наличии явных или предполагаемых возражений со стороны умершего, в частности, принимая во внимание его религиозные и философские убеждения.

2. При отсутствии высказанной или подразумеваемой воли умершего у него может быть произведено изъятие биоматериалов. Однако государство может решить, что изъятие биоматериалов не должно производиться, если после проведения практически возможного расследования, принимая во внимание мнение семьи умершего или в случае смерти неспособного лица, взглядов его законного представителя, возражение станет очевидным; кроме того, если умерший был недееспособным лицом, может также потребоваться согласие его законного представителя».

35. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (документ Совета Европы № 164) является первым международным договором в области биоэтики (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине). Она вступила в силу 1 декабря 1999 г. в отношении ратифицировавших ее государств. Латвийская Республика подписала Конвенцию о правах человека и биомедицине 4 апреля 1997 г. и ратифицировала ее 25 февраля 2010 г. Она вступила в силу на территории Латвийской Республики 1 июня 2010 года. Конвенция о правах человека и биомедицине не применима к случаям изъятия органов и тканей из тел умерших. Она касается изъятия у живых доноров органов и тканей для их трансплантации (статьи 19 и 20).

36. К Конвенции о правах человека и биомедицине был принят Дополнительный протокол о трансплантации органов и тканей человека (документ Совета Европы № 186). 1 мая 2006 г. он вступил в силу в отношении ратифицировавших его государств. Латвийская Республика данный протокол не подписала и не ратифицировала.

37. Соответствующие статьи Дополнительного протокола предусматривают следующее:

«Статья 1. Цели

Стороны настоящего Протокола защищают достоинство и личную неприкосновенность человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение личной неприкосновенности и других прав и основных свобод в связи с трансплантацией органов и тканей человека...

Статья 16. Свидетельство о смерти

Органы и ткани не могут быть изъяты у скончавшегося человека, если факт его смерти не установлен в соответствии с законодательством.

Врачи, установившие факт смерти человека, не должны ни принимать непосредственное участие в изъятии у него органов или тканей или в последующих процедурах трансплантации, ни осуществлять уход за потенциальными реципиентами соответствующего органа или ткани.

Статья 17. Согласие и разрешение

Изъятие органов и тканей у скончавшегося человека не допускается, если на это не получено требуемое законодательством согласие или разрешение.

Изъятие органов и тканей не допускается, если умерший человек возражал против этого.

Статья 18. Уважение к телу умершего человека

В процессе изъятия к телу человека должны относиться с уважением, а также должны быть предприняты все разумные меры для сохранения неизменным внешнего вида тела умершего человека...».

В соответствующей части Пояснительной записки к Дополнительному протоколу говорится следующее:

«Введение

...2. Целью Протокола является определение и защита прав доноров органов и тканей как живых, так и умерших, а также лиц, которым осуществляется имплантация органов тканей человеческого происхождения...

Составление Протокола

...7. Настоящий Протокол распространяет положения Конвенции о правах человека и биомедицине на область трансплантации органов, тканей и клеток человеческого происхождения. Положения Конвенции должны применяться и к Протоколу. Для удобства пользователей Протокол составлен таким образом, что пользователю нет необходимости обращаться к Конвенции для того, чтобы понять область применения положений Протокола. Тем не менее в Конвенции содержатся принципы, в целях развития которых и был разработан Протокол. Следовательно, систематическое изучение обоих текстов может оказаться полезным, а иногда необходимым...

Комментарии к положениям Протокола**Преамбула**

...13. В Преамбуле подчеркивается тот факт, что статья 1 Конвенции о правах человека и биомедицине, защищающая достоинство и индивидуальность каждого человека и гарантирующая каждому без исключения уважение его неприкосновенности, представляет собой соответствующее основание для установления дополнительных стандартов защиты прав и свобод доноров, потенциальных доноров и реципиентов органов и тканей...

Статья 1. Цель

16. В данной статье говорится, что целью данного Протокола является защита достоинства и индивидуальности каждого человека и гарантии каждому, без исключения, уважения к его или ее неприкосновенности и прочих прав и основных свобод в связи с трансплантацией органов и тканей человеческого происхождения.

17. Термин “каждый” используется в статье 1, поскольку он рассматривается как наиболее соответствующий для исключения эмбриональных органов и тканей или органов и тканей плода из сферы применения Протокола, как это утверждается в статье 2 (см. ниже п. 24). Положения данного Протокола касаются исключительно изъятия органов и тканей из организма родившегося человека, живого или умершего на момент операции, и имплантации органов и тканей человеческого происхождения другому человеку, который также родился...

Статья 16. Свидетельство о смерти

94. Согласно первому пункту смерть человека должна быть засвидетельствована до того, как органы или ткани могут быть изъяты у него “в соответствии с законодательством”. Обязанностью государства является юридическое определение конкретной процедуры декларирования смерти, в то время когда основные функции все еще искусственно поддерживаются. В связи с этим можно отметить, что в большинстве стран законодательство определяет понятие и условия наступления смерти мозга.

95. Факт наступления смерти подтверждается врачами в рамках принятой процедуры, и только такая форма засвидетельствования смерти может сделать возможной процедуру трансплантации. Группа медиков, занимающаяся изъятием органов, должна удостовериться, что требуемая процедура была выполнена до начала операции по изъятию. В некоторых государствах данная процедура засвидетельствования смерти отлична от формальной выдачи свидетельства о смерти.

96. Пункт 2 статьи 16 предусматривает важную защитную меру для умершего человека, обеспечивая беспристрастность засвидетельствования смерти, вводя требование о том, чтобы группа врачей, установивших факт смерти человека, отличалась от группы, участвующей в процессе трансплантации на каких-либо его стадиях. Важно то, что соблюдение интересов любого умершего человека и последующее засвидетельствование его смерти являются и должны являться ответственностью группы врачей, отличной от группы, участвующей в операции трансплантации. Смешивание этих двух функций будет способствовать разрушению общественного доверия к системе трансплантации и может иметь негативные последствия для донорства.

97. В целях настоящего Протокола новорожденные, в том числе анэнцефалические новорожденные, получают такую же защиту, как любое лицо, и правила засвидетельствования смерти применяются к ним в том же порядке.

Статья 17. Согласие и разрешение

98. Статья 17 запрещает изъятие любого органа или ткани, если согласие или разрешение, требуемое в соответствии с внутригосударственным законодательством, не было получено лицом, предлагающим изъятие органа или ткани. Это требует наличия в государствах-участниках признанной правовой системы, уточняющей условия разрешения изъятия органов и тканей. Более того, согласно статье 8 стороны должны принимать надлежащие меры по информированию общественности, в частности, по вопросам, касающимся согласия или разрешения в отношении изъятия органов или ткани из тел умерших (см. выше п. 58).

99. Если лицо заявило о своем согласии или несогласии при жизни, волю данного лица следует уважать после его/ее смерти. Если имеются официальные средства для записи волеизъявления и лицо зарегистрировало свое согласие на донорство, это заявленное согласие должно превалировать: изъятие должно быть проведено, если это возможно. Аналогичным образом процедура изъятия не может производиться, если известно о том, что человек возражал против такой процедуры. Тем не менее обращение к официальному реестру последней воли имеет силу только в отношении лиц, зарегистрированных в нем. Также он не может считаться единственным способом установления воли умершего, если только их регистрация не является обязательной.

100. Изъятие органов или тканей может быть произведено у умершего человека, который при его/ее жизни был неспособен дать свое согласие, если получены все разрешения, требуемые по закону. Получение разрешения на изъятие органов или тканей у умершего может также требоваться, если данное лицо при жизни было способно дать свое согласие, но не высказало своей воли в отношении возможного их изъятия после смерти.

101. Не устанавливая систему, статья, соответственно, предусматривает, что в случае наличия у всех сомнений относительно воли умершего лица должна быть возможность опираться на внутригосударственное право для руководства соответствующей процедурой. В некоторых государствах закон разрешает изъятие органов и ткани в случае отсутствия явных или неявных возражений против донорства. В таком случае закон предусматривает средства регистрации намерения, например, составление реестра возражений. В других государствах законодательство не предусматривает регистрацию заранее воли данных лиц и предписывает проводить опрос родственников и друзей, чтобы определить, было ли согласно умершее лицо на донорство органов или возражало против этого.

102. Независимо от системы, если имеются сомнения в отношении воли умершего, группа врачей, ответственная за изъятие органов, должна прежде всего попытаться получить заверения родственников умершего. Если внутригосударственное законодательство не предусматривает обратного, данное разрешение не должно зависеть от предпочтений самих ближайших родственников в отношении донорства органов и тканей. Ближайшим родственникам должны быть заданы вопросы только о выраженной или предполагаемой воле умершего человека. Решающим фактором при решении вопроса об изъятии органов или тканей являются высказанная воля потенциального донора. Стороны должны четко определить, может ли быть произведено изъятие органа или ткани, если воля умершего неизвестна и не может быть определена на основании опроса родственников или друзей.

103. Если человек умирает в стране, не являющейся страной его или ее постоянного проживания, группа врачей, занимающаяся изъятием органов, принимает все необходимые меры для выяснения воли умершего. В случае сомнений группа врачей, занимающаяся изъятием органов и тканей, должна исполнять соответствующие законы страны, гражданином которой являлся умерший человек.

Статья 18. Уважение к телу умершего человека

104. С юридической точки зрения, тело умершего человека не рассматривается как личность, тем не менее к нему следует относиться с уважением. Соответственно, данная статья предусматривает, что во время процедуры изъятия с телом должны обращаться с уважением и по завершении

процедуры телу, по возможности, должен быть возвращен прежний внешний вид умершего человека...».

38. В мае 2002 года Генеральный секретарь Совета Европы направил опросный лист государствам – членам Совета Европы, касающийся юридических и практических аспектов трансплантации¹. Власти Латвийской Республики ответили утвердительно на вопрос о том, требуется ли разрешение для изъятия органов и тканей у живого донора, сославшись на статьи 19 и 20 Конвенции по правам человека и биомедицине и на статью 13 Закона о защите тела скончавшегося человека. Они отметили, что для этого необходимо письменное согласие. Отвечая на вопрос «Какие отношения должны существовать между живым донором органа и реципиентом?», они ссылались на статьи 19 и 20 Конвенции по правам человека и биомедицине. Отвечая на вопрос «Какие санкции предусмотрены за [незаконной торговлю органами], в частности, в отношении посредников и медицинских работников?», власти Латвии ссылались на статью 139 Уголовного кодекса (см. § 53 настоящего Постановления).

В. Документы Европейского союза

39. 21 июля 1998 г. Европейская группа по этике в науке и новых технологиях² при Европейской комиссии опубликовала Заключение № 11 «Об этических аспектах создания банков тканей человека». В частях, имеющих отношение к настоящему делу, это Заключение предусматривает следующее:

«...2.3. Информирование и согласие

Предоставление тканей человека в принципе требует предварительного, информированного и свободного согласия донора. Это не относится к случаям, когда ткани предоставляются по распоряжению судьи в рамках судебного разбирательства, в частности, разбирательства по уголовному делу.

Получение согласия является основополагающим этическим принципом в Европе, однако порядок получения такого согласия и его формы (устное или письменное, при свидетелях или без них, явно выраженное или предполагаемое и т.д.) устанавливаются национальным законодательством исходя из правовых традиций каждой страны...

2.3.2. Скончавшиеся доноры

Согласие донора на посмертное изъятие тканей может принимать различные формы в зависимости от системы, действующей в той или иной стране («явно выраженное» или «предполагаемое»). Однако изъятие тканей не допускается иначе как в рамках судебного разбирательства, если при жизни донор формально возражал против их изъятия. При отсутствии волеизъявления, если в стране действует система «предполагаемого» согласия, врачи обязаны в максимальной степени обеспечить родственникам или наследникам возможность выразить желание скончавшегося и должны принять его во внимание...».

40. Директива 2004/23/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 31 марта 2004 г. об установлении стандартов качества и безопасности для донорства, приобретения, контроля, обработки, сохранения, хранения и распределения человеческих тканей и клеток предусматривает следующее:

«...Статья 13. Согласие

1. Приобретение ткани и клеток человека допускается только после получения обязательного согласия или всех разрешающих требований, действующих в рассматриваемом государстве-участнике.

2. Государства-участники должны в соответствии с их внутригосударственным законодательством принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы донорам, их родственникам или любым лицам, дающим разрешение от имени доноров, предоставлялась вся соответствующая информация, как указано в Приложении...

¹ [http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/Activities/05_Organ_transplantation_en/CDBI_INF\(2003\)11rev2.pdf](http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/Activities/05_Organ_transplantation_en/CDBI_INF(2003)11rev2.pdf)

² Основанная в декабре 1997 года Европейская группа по этике в науке и новых технологиях является независимым консультативным органом. Ее предшественницей была Группа консультантов при Европейской комиссии по этическим последствиям биотехнологии, консультативный орган *ad hoc* (примеч. переводчика).

Приложение. Предоставляемая информация о донорстве клеток и/или тканей

...В. Умершие доноры

1. В соответствии с законодательством, действующим в государствах-участниках, должна быть предоставлена вся информация и должны быть получены все необходимые согласия и разрешения.

2. Подтвержденные результаты обследования донора должны быть сообщены и четко разъяснены соответствующим лицам в соответствии с законодательством государств-участников...».

С. Документы Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ)

41. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (одобрены на 63-й Сессии ВОЗ 21 мая 2010 г., Резолюция WHA63.22) в соответствующих частях предусматривают следующее:

«Руководящий принцип 1

Для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших, если:

(а) получено согласие в форме, предусмотренной законом, и

(б) нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия.

Комментарий к Руководящему принципу 1

С этической точки зрения, согласие пациента является краеугольным камнем всех медицинских вмешательств. Внутригосударственные органы власти отвечают за определение процесса получения, регистрации согласия на предоставление клеток, тканей или органов от доноров в свете международных этических стандартов, существующих в их странах подходов к организации обеспечения органами, и той практической роли, которую играет согласие в сокращении злоупотреблений и повышении уровня безопасности.

В зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций каждой страны, а также от того, каким образом семьи участвуют в процессе принятия решений относительно своего здоровья в целом, согласие на получение органов и тканей от умерших может быть «четко выраженным» или «предполагаемым». В обеих системах любое надежное свидетельство неприятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов воспрепятствует такому изъятию.

В системе четко выраженного согласия, которую иногда называют системой «opting in»¹, клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тела умершего в случае, если умершим при жизни было недвусмысленно заявлено согласие на такое изъятие. В зависимости от существующего в стране закона изъятие согласия допускается в устной форме или может быть зафиксировано в карте донора, водительских правах или удостоверении личности, либо в медицинской карте или реестре доноров. В случае, если умерший при жизни не выразил ни положительного, ни четкого отрицательного отношения к изъятию органа, разрешение должно быть получено от уполномоченного в правовом порядке лица, каковым обычно является член семьи.

Вторая система, которая является системой предполагаемого согласия, иначе ее называют «opting out»², позволяет осуществить изъятие материала из тела умершего для трансплантации (и в ряде стран – для анатомического изучения либо в научных целях) в случае, если умерший при жизни не выразил своего возражения против изъятия органа, которое должно быть зафиксировано в официальном документе в установленном порядке, или в случае, если информированная сторона не поставит в известность о возражении, высказанном при жизни умершим против донорства. Учитывая важность получения согласия с этической точки зрения, такая система должна обеспечить полную информированность людей относительно существующей политики и предоставление им беспрепятственной возможности пойти по пути несогласия.

И хотя во второй системе не требуется четко выраженного согласия для извлечения клеток, тканей или органов умершего человека, который при жизни не высказывал возражений, программы предоставления органов могут неохотно осуществлять эту процедуру в случае, если родственники лично возражают против изъятия органа для донорства; аналогичным образом в рамках первой системы программы обычно пытаются заручиться разрешением членов семьи даже в тех случаях, когда умерший при жизни выразил свое согласие. Программы могут в большей степени полагаться на четко выраженное или предполагаемое согласие умершего, не заручаясь дальнейшим разрешением от членов семьи в случае, если понимание и принятие процесса донорства клеток, тканей и органов глубоко и однозначно укоренилось в общественном сознании. Даже в тех случаях, когда к

¹ *Opting in* (англ.) – презумпция согласия (*примеч. переводчика*).

² *Opting out* (англ.) – презумпция несогласия (*примеч. переводчика*).

родственникам не обращаются за разрешением, донорским программам необходимо рассмотреть историю болезни умершего и его поведенческие характеристики с членами семьи, хорошо знавшими его или ее, поскольку точная информация о донорах способствует повышению безопасности трансплантации.

Что касается донорства тканей, при котором требуются несколько менее жесткие временные ограничения, рекомендуется всегда обращаться к ближайшему родственнику за получением разрешения. Важным моментом, на который следует обратить внимание, является восстановление внешнего вида тела умершего после извлечения тканей...».

D. Законодательство Латвийской Республики

1. Закон Латвийской Республики «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине»

42. Закон о защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей (*likums «Par miruša cilvēka ķermeņa aizsardzību un cilvēka audu un orgānu izmantošanu medicīnā»*), действовавший в соответствующий период времени (с изменениями и дополнениями с 1 ноября 1995 г. по 31 декабря 2001 г.), предусматривает, что каждый живой дееспособный человек вправе в письменной форме сообщить о своем согласии на посмертное использование своего тела или об отказе от подобного использования (статья 2). Выраженное таким образом желание, если оно не противоречит закону, является обязательным.

43. Статья 3 предусматривает, что только такой отказ или согласие на использование тела человека после его смерти, который был подписан дееспособным лицом, занесен в его или ее медицинскую карту и отмечен специальным штампом в его или ее паспорте, имеют юридическую силу. Департамент здравоохранения Министерства социального обеспечения несет ответственность за установление процедуры регистрации отказа или согласия в медицинской карте человека (в отличие от ситуации с последующими законодательными поправками, вступившими в силу с 1 января 2002 г., Постановление Европейского Суда по делу «Петрова против Латвийской Республики» (*Petrova v. Latvia*) от 24 июня 2014 г., жалоба № 4605/05¹, § 35).

44. Согласно статье 4 («Права ближайших родственников») использование органов и тканей скончавшегося человека вопреки желанию, выраженному им при жизни, не допускается. При отсутствии явно выраженного желания изъятие может быть произведено, если никто из ближайших родственников скончавшегося (дети, родители, братья, сестры супруга или супруги) не возражает. Трансплантация может быть проведена после биологической смерти или смерти мозга потенциального донора (статья 10).

45. Статья 11 предусматривает, в частности, что изъятие органов и тканей у скончавшегося донора для последующей трансплантации допускается, если при жизни он не возражал против этого и если его ближайшие родственники не запретили это изъятие.

46. В соответствии с переходным положением Закона штамп в паспорте человека, свидетельствующий о том, что он возражает против посмертного использования своего тела или согласен на такое использование, проставленный до 31 декабря 2001 г., действителен до выдачи нового паспорта или до подачи заявления в Управление по делам гражданства и миграции Латвийской Республики.

47. Статья 17 предусматривает, что государство несет ответственность за защиту тела скончавшегося человека и за использование его органов и тканей для медицинских целей. На тот момент эта функция была возложена на Департамент здравоохранения Министерства социального обеспечения (с 1 января 2002 г. – на Министерство социального обеспечения, с 20 июня 2004 г. – на Министерство здравоохранения). Ни одна организация, ни одно учреждение не могут проводить изъятие органов и тканей и использовать их без санкции, выданной Департаментом здравоохранения (с 1 января 2002 г. – Министерство социального обеспечения, с 30 июня 2004 г. – Министерство здравоохранения).

48. Статья 18 запрещает отбор, транспортировку и использование изъятых органов и тканей в коммерческих целях. Кроме того, она устанавливает, что изъятие органов и тканей у живого

¹ Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 2/2015.

или скончавшегося человека допускается только в строгом соответствии с явно выраженным согласием или возражениями этого человека.

49. Статья 21 предусматривает, что прокуратура осуществляет контроль за соблюдением настоящего Закона (пункт 1) Департамент здравоохранения Министерства социального обеспечения и другие компетентные органы осуществляют надзор за законностью использования человеческих тканей и органов (пункт 2). Поправками, вступившими в силу 1 января 2002 г., пункт 1 был отменен, другой пункт предусматривает, что Министерство социального обеспечения осуществляет контроль за соблюдением законодательства и других правовых актов при использовании человеческих органов и тканей. На 30 июня 2004 г. этот контроль осуществляло Министерство здравоохранения. В заключение, на 27 августа 2012 г. данная статья была полностью отменена.

50. 2 июня 2004 г. Сейм Латвийской Республики принял поправки к статьям 4 и 11 Закона, которые вступили в силу с 30 июня 2004 г. С этого времени статья 4 данного Закона предусматривает, что в случае отсутствия в реестре жителей Латвийской Республики сведений об отказе скончавшегося человека от посмертного использования его тела, органов или тканей или о его согласии на такое использование его ближайшие родственники вправе в письменной форме сообщить медицинскому учреждению о желании скончавшегося, выраженном им при жизни. Статья 11 устанавливает, что изъятие органов и тканей тела у скончавшегося человека для последующей трансплантации допускается в случаях, если в реестре жителей Латвийской Республики отсутствуют сведения об отказе скончавшегося человека от посмертного использования органов или тканей или о его согласии на это использование, а ближайшие родственники скончавшегося до начала трансплантации не сообщили медицинскому учреждению в письменной форме о его возражениях против посмертного использования органов и тканей его тела, выраженных им при жизни. Изъятие органов и тканей у скончавшегося ребенка для последующей трансплантации запрещается, если один из его родителей или его законный представитель не дал на это письменного согласия.

2. Постановление Кабинета министров Латвийской Республики № 431 (1996)

51. Данное Постановление (Положение об изъятии ткани у мертвого человека, хранении органов и использовании в медицине) (*Noteikumi par miruša cilvēka audu un orgānu uzkrāšanas un izmantošanas kārtību medicīnā*) предусматривает, что изъятие органов и тканей может производиться после биологической смерти или смерти мозга человека, если в его или ее паспорте или медицинской карте стоит штамп о согласии на изъятие (пункт 3). При отсутствии такого штампа необходимо следовать положениям Закона (см. выше).

3. Правовое регулирование MADEKKI

52. Правовое регулирование Инспекции по контролю качества медицинского обслуживания и трудовой экспертизы (MADEKKI) в законодательстве Латвийской Республики кратко изложено в Постановлении Европейского Суда по делу «L.H. против Латвийской Республики» (L.H. v. Latvia) от 29 апреля 2014 г., жалоба № 52019/07, §§ 24–27. В интересах настоящего дела достаточно заметить, что ее распоряжения – утвержденные Кабинетом министров (распоряжение № 391 (1999), действующие с 26 ноября 1999 г. по 30 июня 2004 г.) – предусматривали, *inter alia*, что одной из основных функций MADEKKI был контроль за качеством профессионального медицинского обслуживания в медицинских учреждениях.

4. Уголовное законодательство Латвийской Республики

53. Статья 139 Уголовного закона предусматривает, что незаконное изъятие органов или тканей из тела живого или скончавшегося человека для их использования в медицинских целях является уголовно наказуемым преступлением, если оно осуществляется медицинским работником.

54. Соответствующие положения, касающиеся прав гражданских лиц в уголовном разбирательстве согласно предыдущему Уголовно-процессуальному кодексу Латвийской Республики (*Latvijas Kriminālprocesa kodekss*) (действовавшие до 1 октября 2005 г.), приведены в Постанов-

лении Европейского Суда по делу «Лигерес против Латвийской Республики» (*Ligeres v. Latvia*) (от 28 июня 2011 г., жалоба № 17/02, §§ 39–41), и в Решении Европейского Суда по делу «Пундурс против Латвийской Республики» (*Pundurs v. Latvia*) (от 20 сентября 2011 г., жалоба № 43372/02, §§ 12–17).

55. Кроме того, положения, касающиеся прав гражданских лиц в уголовных разбирательствах согласно Уголовно-процессуальному кодексу Латвийской Республики (вступил в силу с 1 октября 2005 г.), действовавшие на рассматриваемый момент времени, гласят следующее:

«...Статья 22. Право на возмещение ущерба

Лицу, которому были причинены психологическая травма, телесное повреждение или материальный ущерб в результате совершения уголовно наказуемого преступления, должны быть гарантированы процессуальные возможности для обжалования и получения возмещения материального ущерба и морального вреда...

Статья 351. Требование возмещения вреда

(1) Потерпевшая сторона имеет право подать требование о возмещении вреда, причиненного на любом этапе уголовного разбирательства до начала судебного расследования судом первой инстанции. Требование должно содержать обоснование запрашиваемой суммы возмещения.

(2) Требование может быть представлено в письменной или устной форме. Устное обращение фиксируется лицом, ведущим разбирательство.

(3) В ходе досудебного разбирательства государственный обвинитель должен отметить поступление ходатайства и требуемую сумму возмещения, а также его или ее мнение об этом в документе, который выносится в завершение досудебного разбирательства.

(4) Неустановление уголовной ответственности лица не должно являться препятствием для подачи требования о возмещении вреда.

(5) Потерпевшая сторона имеет право отозвать поданное требование о возмещении вреда на любом этапе уголовного разбирательства до того момента, когда суд удаляется для вынесения приговора. Отказ потерпевшего от возмещения не может служить основанием для отмены или изменения обвинительного или оправдательного приговора...».

5. Право на возмещение вреда

56. Статья 92 Конституции (*Satversme*) предусматривает, *inter alia*, что «любое лицо, чьи права были необоснованно нарушены, имеет право на соответствующее возмещение».

57. Положения внутригосударственного законодательства, касающиеся возмещения материального и морального ущерба в соответствии с Гражданским кодексом (*Civillikums*) (до и после вступления в силу изменений 1 марта 2006 г.), полностью приведены в Постановлении Европейского Суда по делу «Заволока против Латвийской Республики» (*Zavoloka v. Latvia*) (от 7 июля 2009 г., жалоба № 58447/00, §§ 17–19). Статьи 1635 и 1779 также указаны в Постановлении Европейского Суда по делу «Холоденко против Латвийской Республики» (*Holodenko v. Latvia*) (от 2 июля 2013 г., жалоба № 17215/07, § 45).

58. В соответствии со статьей 92 Административно-процессуального кодекса (*Administratīvā procesa likums*), вступившего в силу 1 февраля 2004 г., каждый имеет право на получение соответствующего возмещения материального или морального вреда, причиненного ему административным актом или фактическим действием органа публичной власти. Согласно статье 93 этого кодекса иск о возмещении может быть подан либо одновременно с жалобой в административные суды для признания незаконности административного акта или действий органа публичной власти, либо в органы публичной власти, причинившие вред. Согласно статье 188 данного кодекса жалоба в административный суд, касающаяся административного акта или действия органа публичной власти, должна быть подана в течение одного месяца или одного года в зависимости от обстоятельств дела. В отношении действия органа публичной власти жалоба может быть подана в течение одного года со дня, когда заявителю стало известно об этом. В соответствии с пунктом 1 статьи 191 кодекса заявление должно быть отклонено, если прошло более трех лет с того момента, когда заявитель узнал или должен был узнать о том, что такое действие имело место. Данный срок не может быть продлен (*atjaunots*).

59. Сумма возмещения и порядок возмещения вреда, причиненного действиями публичной администрации в связи с незаконным административным актом или незаконной деятельностью

органа публичной власти, предусматриваются Законом о возмещении вреда, причиненного публичной властью (*Valsts pārvaldes iestāžu nodarīto zaudējumu atlīdzināšanas likums*), вступившим в силу с 1 июля 2005 г. Глава III указанного закона устанавливает порядок, который следует соблюдать при обращении граждан за возмещением вреда, причиненного органом публичной власти. Согласно статье 15 закона лицо имеет право подать жалобу в орган публичной власти, который несет ответственность за причиненный вред. В соответствии со статьей 17 такая жалоба должны быть подана не позднее, чем через год со дня, когда лицу стало известно о причиненном вреде, и в любом случае не позже, чем через пять лет со дня незаконного административного акта или незаконного действия органа публичной власти.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

60. По сути заявительница жаловалась согласно статье 8 Конвенции, во-первых, на то, что изъятие тканей ее мужа было проведено без его и, прежде всего, без ее согласия. Во-вторых, она жаловалась на то, что при отсутствии такого согласия его достоинство, индивидуальная целостность и неприкосновенность были нарушены, а с его телом обращались неуважительно.

61. Статья 8 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичной власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков, преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

62. Власти государства-ответчика отрицали, что имело место нарушение данной статьи.

А. Предварительные вопросы

63. Европейский Суд прежде всего должен рассмотреть вопрос о том, обладает ли он компетенцией *ratione personae*¹ для рассмотрения жалобы заявительницы, и данный вопрос требует рассмотрения *ex officio*² Европейским Судом (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины» (*Sejdić and Finci v. Bosnia and Herzegovina*), жалобы №№ 27996/06 и 34836/06, *ECHR* 2009, § 27).

64. Подход Европейского Суда, касающийся прямых и косвенных потерпевших, недавно был обобщен в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Центр правовых ресурсов в интересах Валентина Кемпеану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeneanu v. Romania*) (от 17 июля 2014 г., жалоба № 47848/08, §§ 96–100) следующим образом (ссылки опущены):

«...*(i) Непосредственные жертвы*

96. Для того, чтобы иметь право подать жалобу в соответствии со статьей 34 Конвенции, заявитель должен быть в состоянии доказать, что он был «непосредственно затронут» обжалуемой мерой... Это является необходимым условием для приведения в действие механизмов защиты Конвенции, хотя этот критерий не должен применяться чисто автоматически и негибко на протяжении всего разбирательства...

Кроме того, в соответствии с правоприменительной практикой Европейского Суда и статьей 34 Конвенции жалобы могут подаваться только от имени живых людей... Таким образом, в ряде дел, когда непосредственная жертва умерла до подачи жалобы, Европейский Суд не признал, что непо-

¹ *Ratione personae* (лат.) – одно из оснований приемлемости жалобы, заключающееся в том, что лицо, подающее жалобу, должно, во-первых, являться одним из субъектов, указанных в статье 34 Конвенции, а, во-вторых, являться *прямой и непосредственной* жертвой нарушения Конвенции, так называемая компетенция Европейского Суда «по кругу лиц» (*примеч. переводчика*).

² *Ex officio* (лат.) – в силу обязанностей, в силу занимаемой должности (*примеч. переводчика*).

средственная жертва, даже будучи представленной, может быть заявителем в значении статьи 34 Конвенции...

(ii) *Косвенные жертвы*

97. Дела вышеупомянутого типа отличаются от дел, когда наследникам заявителя было разрешено участвовать в рассмотрении уже поданной жалобы. Авторитетным решением в этом вопросе является решение по делу “Фэйрфилд и другие против Соединенного Королевства” (Fairfield and Others v. United Kingdom)... в котором дочь подала жалобу после смерти отца, сославшись на нарушение его права на свободу мысли, слова и вероисповедания (статьи 9 и 10 Конвенции). Хотя внутригосударственные суды позволили заявительнице Фэйрфилд участвовать в рассмотрении жалобы после смерти отца, Европейский Суд не признал ее жертвой и провел различие между этим делом и делом “Далбан против Румынии” (Dalban v. Romania), где жалоба была подана самим заявителем, вдова которого участвовала в рассмотрении только после его смерти.

В этой связи Европейский Суд провел различие между жалобами, где непосредственная жертва умерла после подачи жалобы в Европейский Суд, и теми, где он или она умерли ранее.

Если заявитель умер после подачи жалобы, Европейский Суд признал, что ближайший родственник или наследник в принципе может участвовать в рассмотрении жалобы при условии, что он имеет соответствующий интерес в этом деле...

98. Тем не менее ситуация меняется, если непосредственная жертва умерла до подачи жалобы в Европейский Суд. В таких случаях Европейский Суд со ссылкой на автономное толкование понятия “жертва” готов признать право родственника на обращение в суд либо, если жалоба касается вопросов общего характера, относящихся к “уважению прав человека” (пункт 1 статьи 37 Конвенции *in fine*¹), и заявители как наследники имеют законный интерес в продолжении рассмотрения дела, либо на основании непосредственного влияния на собственные права заявителя... Что касается последних дел, важно отметить, что жалобы по ним подавались в Европейский Суд в связи с внутригосударственными разбирательствами, в которых непосредственная жертва участвовала при жизни.

Следовательно, Европейский Суд признает право ближайших родственников жертвы на подачу жалобы, если жертва умерла или исчезла при обстоятельствах, подразумевающих ответственность государства...

99. В деле “Варнава и другие против Турции” (Varnava and Others v. Turkey) заявители подали жалобы как от своего имени, так и от имен своих пропавших родственников. Европейский Суд не считает необходимым принимать решение относительно того, должен ли быть присвоен статус заявителя пропавшим лицам, поскольку в любом случае близкие родственники лиц, пропавших без вести, имеют право подавать жалобы, касающиеся исчезновения их родственников... Европейский Суд рассмотрел дело на основании того, что родственники лиц, пропавших без вести, являются заявителями в значении целей статьи 34 Конвенции.

100. В делах, когда предполагаемое нарушение Конвенции не было тесно связано с исчезновением или смертью, которые подняли вопросы о соблюдении статьи 2 Конвенции, подход Европейского Суда имел более ограничительный характер, как в деле “Санлес Санлес против Испании” (Sanles Sanles v. Spain)... которое касалось запрета на помощь при самоубийстве. Европейский Суд постановил, что права заявителя в соответствии со статьями 2, 3, 5, 8, 8 и 14 Конвенции подпадают под категорию прав, которые не передаются другим лицам, и, следовательно, пришел к выводу, что заявительница, невестка и законная наследница умершего, не могла претендовать на статус жертвы нарушения от имени ее умершего зятя. Аналогичный вывод был сделан по жалобам на нарушение статей 9 и 10 Конвенции, поданных дочерью предполагаемого потерпевшего...

В других делах, касающихся жалоб согласно статьям 5, 6 и 8 Конвенции, Европейский Суд присвоил близким родственникам статус жертв, что позволило им подать жалобы, в которых они проявили моральную заинтересованность в снятии с умершего потерпевшего любых обвинений... или моральную заинтересованность вследствие непосредственного влияния на их имущественные права... Также было принято во внимание существование общего интереса, обусловившее необходимость рассмотрения жалоб...

Участие заявителя во внутригосударственных судах является только одним из ряда соответствующих критериев...».

65. Что касается первой части жалобы, Европейский Суд считает, что заявительница надлежащим образом подтвердила, что ее непосредственно затрагивал тот факт, что ткань ее умершего мужа была изъята без ее согласия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Петрова против Латвийской Республики», § 56). В связи с этим Европейский

¹ *In fine* (лат.) – в конце (примеч. переводчика).

Суд находит, что заявительница может считаться «непосредственной жертвой» в этом отношении (см. выше § 60). Однако, поскольку жалоба заявительницы касается отсутствия согласия ее умершего мужа, Европейский Суд считает, что она несовместима *ratione personae* по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, поэтому должна быть отклонена согласно пункту 4 статьи 35 Конвенции.

66. Что касается второй части жалобы, Европейский Суд указывает, что заявительница признала, что данная часть жалобы касалась прав ее умершего мужа. Следовательно, она должна быть отклонена как несовместимая *ratione personae* в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции

67. В заключение Европейский Суд отмечает, что в некотором отношении вторая часть жалобы совпадает с жалобой на нарушение статьи 3 Конвенции, и, следовательно, Европейский Суд должен рассмотреть ее ниже в той степени, в которой она относится к правам заявительницы.

В. Приемлемость жалобы

1. Доводы сторон

68. Власти государства-ответчика признали, что жалоба заявительницы касается «личной жизни» согласно статье 8 Конвенции, но они не согласились с тем, что она касается «семейной жизни».

69. Во-первых, ссылаясь на Решение Европейского Суда по делу «Гришанкова и Гришанковс против Латвийской Республики» (*Grišankova and Grišankovs v. Latvia*) (жалоба № 36117/02, *ECHR*-2003 II (извлечения)), власти государства-ответчика утверждали, что заявительница не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты. Они считали, что заявительница должна была подать жалобу в Конституционный суд Латвийской Республики, поскольку изъятие ткани из тела ее мужа было проведено в соответствии с процедурой, предусмотренной статьями 4 и 11 Закона. Она должна была поднять вопрос о соответствии этих правовых положений Конституции Латвийской Республики.

70. Во-вторых, власти государства-ответчика утверждали, что заявительница не подала жалобу в Инспекцию по контролю качества медицинского обслуживания и трудовой экспертизы (*MADEKKI*). Власти государства-ответчика отметили, что в рассматриваемое время Инспекция являлась органом, обладавшим компетенцией, чтобы рассмотреть жалобу заявительницы, так как ее функция заключалась в контроле за профессиональным качеством обслуживания в медицинских учреждениях. По заявлению властей государства-ответчика, рассмотрение Инспекцией жалобы на соответствие процедуры изъятия ткани внутригосударственному законодательству, являлось необходимым условием для возбуждения любых гражданских или уголовных разбирательств в отношении виновных. Власти не предоставили какой-либо дополнительной информации по данному вопросу.

71. В-третьих, власти государства-ответчика утверждали, что заявительница могла сослаться на статью 1635 Гражданского кодекса (действовавшего с 1 марта 2006 г.) и потребовать возмещения материального и морального вреда в гражданских судах. Власти Латвийской Республики предоставили несколько примеров из внутригосударственной правоприменительной практики, касавшихся применения статьи 1635 данного кодекса. Они ссылались на разбирательство по делу РАС-714 (возбужденное 7 февраля 2005 г.), когда истица потребовала возмещения морального вреда от больницы, где она родила и где ей была сделана перевязка маточных труб (хирургическая операция) без ее согласия (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «L.H. против Латвийской Республики», § 8). 1 декабря 2006 г. данное требование было удовлетворено, и истице была присуждена компенсация за телесное повреждение и психологическое расстройство в размере 10 000 лат вследствие незаконной стерилизации на основании статьи 2349 Гражданского кодекса. Данное судебное решение вступило в силу 10 февраля 2007 г. Власти Латвийской Республики также ссылались на одно из дел «Талсиской трагедии» (возбужденное 15 сентября 2006 г.), когда 16 марта 2010 г. кассационный суд присудил государству выплатить компенсацию в размере 20 000 лат в связи с событиями 28 июня 1997 г. в г. Талси, где вместе с другими детьми погибла дочь истца. Окончательное постановле-

ние по данному делу было вынесено 28 сентября 2011 г. Власти государства-ответчика не предоставили копии постановлений по последнему делу.

72. Заявительница возражала. Она считала, что ее жалоба касается личной и семейной жизни согласно статье 8 Конвенции.

73. Комментируя первое средство правовой защиты, на которое ссылались власти государства-ответчика, обращение в Конституционный суд Латвийской Республики, заявительница отметила, что компетенция суда ограничивалась рассмотрением жалоб, касавшихся соответствия законов и других правовых актов Конституции Латвийской Республики. Заявительница утверждала, что изъятие тканей из тела ее умершего мужа противоречило статьям 4 и 11 Закона. Она не считала, что данные правовые положения противоречили Конституции Латвийской Республики. Дело «Гришанкова и Гришанковс против Латвийской Республики» (Grišankova and Grišankovs v. Latvia) касалось редакции Закона об образовании. Однако настоящее дело касалось отдельного действия – изъятия ткани из тела ее мужа. Кроме того, заявительница утверждала, что в случае, если бы какие-либо положения Закона действительно противоречили положениям Конституции, суд по уголовным делам, Генеральная прокуратура или Кабинет министров должны были и могли сами подать жалобу в Конституционный суд Латвийской Республики.

74. Комментируя второе средство правовой защиты, на которое ссылались власти государства-ответчика, а именно подача жалоб в Инспекцию по контролю качества медицинского обслуживания и трудовой экспертизы (MADEKKI), заявительница утверждала, что данный орган не обладал достаточной компетенцией. Заявительница ссылалась на статью 21 Закона и пояснила, что в рассматриваемое время надзорные функции осуществляла прокуратура (см. § 49 настоящего Постановления).

75. Комментируя третье средство правовой защиты, на которое указывали власти государства-ответчика, заявительница утверждала, что судебно-медицинский центр являлся государственным учреждением и его курировало Министерство здравоохранения. С момента вступления в силу 1 февраля 2004 г. Административно-процессуального кодекса административные действия и деятельность органов публичной власти подпадали под судебный надзор, осуществлявшийся административными судами. Таким образом, жалоба на действия органа публичной власти – изъятие ткани из тела мужа заявительницы – могла быть подана только в административные суды. Ссылаясь на правила судебно-медицинского центра, заявительница отметила, что действия его сотрудников могли быть обжалованы его руководителю, постановления и действия которого также подпадали под судебный надзор административных судов. Вместе с тем обжалование согласно Административно-процессуальному кодексу было бы ограничено сроком давности в деле заявительницы на момент вынесения окончательного постановления по уголовному делу. Заявительница также сообщила, что действия экспертов не могли подпадать под судебный надзор гражданских судов.

76. Заявительница также указала, что сумма и порядок возмещения вреда, причиненного органом публичной власти в связи с незаконным административным актом или противоправными действиями, предусмотрены Законом о возмещении вреда, причиненного органом публичной власти, а не Гражданским кодексом. Иск согласно указанному Закону о возмещении вреда также невозможно было подать в связи с истечением установленных законом сроков давности.

77. В заключение, даже если заявительница подала бы в соответствии со статьей 1635 Гражданского кодекса гражданский иск против экспертов, которые изъяли ткань из тела ее мужа, как предлагали власти государства-ответчика, иск был бы обречен на неудачу, поскольку в ходе уголовного разбирательства было установлено, что эксперты не были виновны. Заявительница также отметила, что примеры правоприменительной практики, на которые ссылались власти Латвийской Республики, не были сопоставимыми. В первом деле гражданское разбирательство было возбуждено в отношении частной больницы, а не против государственного учреждения. Второе дело касалось событий, которые произошли в 1997 году, задолго до вступления в силу Административно-процессуального кодекса и Закона о возмещении вреда, причиненного органом публичной власти. Кроме того, в рассматриваемое время Гражданский процессуальный кодекс включал в себя главу, касающуюся судебных разбирательств по вопросам

административных отношений, которая была изъята после вступления в силу Административно-процессуального кодекса.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Неисчерпание внутригосударственных средств правовой защиты

78. Что касается ссылки властей Латвийской Республики на конституционную жалобу как на средство правовой защиты, соответствовавшее обстоятельствам заявительницы, Европейский Суд считает, что подобная жалоба не могла являться эффективным средством правовой защиты для защиты прав заявительницы согласно статье 8 Конвенции по следующим причинам.

79. Европейский Суд уже рассматривал сферу надзора Конституционного суда Латвийской Республики (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Гришанкова и Гришанковс против Латвийской Республики, Решение Европейского Суда по делу «Лиепайниекс против Латвийской Республики» (*Liepājnieks v. Latvia*) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 37586/06, §§ 73–76, Постановление Европейского Суда по делу «Савичс против Латвийской Республики» (*Savičs v. Latvia*) от 27 ноября 2012 г., жалоба № 17892/03, §§ 113–117, Постановление Европейского Суда по делу «Михайловс против Латвийской Республики» (*Mihailovs v. Latvia*) от 22 января 2013 г., жалоба № 35939/10, §§ 157–158, Постановление Европейского Суда по делу «Нагла против Латвийской Республики» (*Nagla v. Latvia*) от 16 июля 2013 г., жалоба № 73469/10, § 48, и Решение Европейского Суда по делу «Объединение латвийских молодых фермеров против Латвийской Республики» (*Latvijas jauno zemnieku apvienība v. Latvia*) от 17 декабря 2013 г., жалоба № 14610/05, §§ 44–45).

80. Европейский Суд отметил, что Конституционный суд Латвийской Республики рассматривал, *inter alia*, индивидуальные жалобы о проверке конституционности правового положения или его соответствия положению, обладавшему более высокой юридической силой. Индивидуальная жалоба может быть подана на правовое положение, только когда лицо считает, что рассматриваемое положение нарушает его или ее основополагающие права, гарантированные Конституцией Латвийской Республики. Поэтому процедура подачи индивидуальной конституционной жалобы не может считаться эффективным средством правовой защиты, если предполагаемое нарушение следовало только из ошибочного применения или толкования правовой нормы, которая по своему содержанию не является конституционной (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Объединение латвийских молодых фермеров против Латвийской Республики», §§ 44–45).

81. В настоящем деле Европейский Суд полагает, что жалоба заявительницы относительно изъятия тканей не касается сравнения одного правового положения с другим, имеющим большую юридическую силу. Власти Латвийской Республики утверждали, что изъятие ткани было проведено в соответствии с процедурой, установленной законом. Заявительница, в свою очередь, не оспаривала конституционность данной процедуры. Вместо этого она утверждала, что изъятие ткани из тела ее мужа являлось индивидуальным действием, которое противоречило статьям 4 и 11 Закона. Европейский Суд считает, что жалоба заявительницы имеет отношение к применению и толкованию положений внутригосударственного законодательства, в частности, с учетом отсутствия административного регулирования, и нельзя сказать, что возникают какие-либо вопросы соответствия. Принимая во внимание данные обстоятельства, Европейский Суд признает, что заявительнице не нужно было исчерпывать предлагаемое средство правовой защиты.

82. Европейский Суд принимает довод властей государства-ответчика в отношении рассмотрения вопроса Инспекцией по контролю качества медицинского обслуживания и трудовой экспертизы (MADEKKI) (см. § 70 настоящего Постановления) как относящийся главным образом к гражданско-правовым средствам защиты. Из доказательств по делу совершенно не ясно, проводила ли Инспекция какое-либо рассмотрение в отношении уголовных разбирательств по настоящему делу (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Петрова против Латвийской Республики», § 15). В любом случае, по-видимому, какое-либо рассмотрение Инспекцией не было необходимо для того, чтобы возбудить уголовное разбира-

тельство. Вместе с тем не имеет значения то, что заявительница не подала отдельную жалобу в Инспекцию, пока она обжаловала все постановления, вынесенные следственными органами и органами прокуратуры, цель которых, как правило, заключается в том, чтобы установить, было ли совершено какое-либо преступление (см. там же § 71).

83. Что касается возможности подачи гражданского иска о возмещении вреда, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Калвелли и Чильо против Италии» (*Calvelli and Ciglio v. Italy*) (жалоба № 32967/96, *ECHR* 2002-I, § 51), Европейский Суд указал:

«...В особой области медицинской халатности обязательство по созданию эффективной судебной системы может, например, также быть соблюдено, если правовая система предоставляет потерпевшим средство правовой защиты в судах по гражданским делам, отдельно или в сочетании со средством правовой защиты в судах по уголовным делам, что позволяет установить какую-либо ответственность причастных врачей и получить соответствующее возмещение гражданского характера, такое как возмещение вреда или публикация решения. Дисциплинарные меры также могут быть предусмотрены...».

84. Европейский Суд также отметил, что данный принцип применяется, когда вмешательство в право на жизнь или личную неприкосновенность не осуществлено умышленно (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Во против Франции» (*Vo v. France*), жалоба № 53924/00, *ECHR* 2004-VIII, § 90, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерылдыз против Турции» (*Öneryıldız v. Turkey*), жалоба № 48939/99, *ECHR* 2004-XII, § 92).

85. Тем не менее Европейский Суд также установил, что в случае, если человеку доступен ряд средств правовой защиты, он имеет право выбрать средство правовой защиты, которое урегулирует его или ее основную жалобу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ясинскис против Латвийской Республики» (*Jasinskis v. Latvia*) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 45744/08, § 50). Европейский Суд отмечает, что заявительница изначально не знала, что из тела ее мужа была изъята ткань, и узнала об этом только тогда, когда полиция безопасности возбудила уголовное дело в связи с этими фактами. Впоследствии она воспользовалась уголовно-правовым способом получения возмещения и была признана потерпевшей в ходе производства по уголовному делу, участвовала в производстве по делу, обращаясь с различными жалобами в следственные органы и органы прокуратуры. Уголовно-правовое средство могло послужить основанием для заключения о том, что изъятие органов мужа заявительницы было проведено с нарушением внутригосударственной процедуры и что ее права как ближайшей родственницы были нарушены. Это могло, в конечном счете, привести к присуждению возмещения, учитывая, что правовая система Латвийской Республики признает права жертв подавать гражданские иски в ходе уголовных разбирательств и требовать возмещения ущерба, причиненного в результате совершения преступления (см. §§ 54 и 55 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах нет каких-либо оснований полагать, что заявительница могла законно ожидать, что уголовно-правовое средство защиты не будет эффективным в ее деле.

86. Европейский Суд считает, что заявительница не была обязана представлять в гражданские суды отдельное, дополнительное требование о возмещении, которое также могло стать основанием для заключения о том, что изъятие органов из тела ее мужа было проведено с нарушением внутригосударственной процедуры и что ее права как ближайшей родственницы были нарушены (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Сергиенко против Украины» (*Sergiyenko v. Ukraine*) от 19 апреля 2012 г., жалоба № 47690/07, §§ 40–43, Постановление Европейского Суда по делу «Арская против Украины» (*Arskaya v. Ukraine*) от 5 декабря 2013 г., жалоба № 45076/05, §§ 75–81, и Постановление Европейского Суда по делу «Валерий Фуклев против Украины» (*Valeriy Fuklev v. Ukraine*) от 16 января 2014 г., жалоба № 6318/03, §§ 77–83, в которых заявители не были обязаны подавать отдельные гражданские иски на предположительную медицинскую халатность). Европейский Суд приходит к выводу, что заявительница исчерпала доступные ей средства правовой защиты, воспользовавшись уголовно-правовым средством защиты.

87. Принимая во внимание вышеприведенный вывод, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать аргумент властей государства-ответчика о том, что рассмотрение вопроса Инспекцией по контролю качества медицинского обслуживания и трудовой эксперти-

зы (MADEKKI) было необходимо для возбуждения гражданского дела. Европейский Суд также полагает, что отсутствует необходимость рассматривать довод заявительницы о том, что ее жалоба согласно Административно-процессуальному кодексу и Закону о возмещении вреда, причиненного органом публичной власти, не могла быть подана в связи с истечением сроков давности или что ее жалоба на основании Гражданского кодекса не была бы удовлетворена.

(b) Применимость

88. Европейский Суд отмечает: в то время, как власти государства-ответчика не признали, что жалоба заявительницы касалась «семейной жизни», они не оспаривали тот факт, что она относится к «личной жизни» согласно статье 8 Конвенции

89. Европейский Суд напоминает, что концепции личной и семейной жизни не поддаются исчерпывающему определению (см. Постановление Европейского Суда по делу «Адри-Вионнет против Швейцарии» (*Hadri-Vionnet v. Switzerland*) от 14 февраля 2008 г., жалоба № 55525/00, § 51). В деле «Панулло и Форте против Франции» (*Pannullo and Forte v. France*) (жалоба № 37794/97, *ECHR* 2001-X, § 36) Европейский Суд счел чрезмерную задержку властей Франции при возвращении тела их ребенка после вскрытия вмешательством в личную и семейную жизнь заявителей. Европейский Суд также приходил к заключению, что отказ следственных органов вернуть тела умерших родственников являлся вмешательством в личную и семейную жизнь заявителей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сабанчиева и другие против Российской Федерации» (*Sabanchiyeva and Others v. Russia*), жалоба № 38450/05¹, *ECHR* 2013 (извлечения), § 123, и Постановление Европейского Суда по делу «Масхадова и другие против Российской Федерации» (*Maskhadova and Others v. Russia*) от 6 июня 2013 г., жалоба № 18071/05², § 212). Однако этот вопрос не возникает в настоящем деле, и не была подана аналогичная жалоба. Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривался тот факт, что право заявительницы, установленное в соответствии с внутригосударственным законодательством, высказать согласие или отказ в связи с изъятием ткани из тела ее мужа подпадает под действие статьи 8 Конвенции, поскольку оно касалось личной жизни. Европейский Суд не видит оснований считать иначе и, таким образом, полагает, что данная статья применима в обстоятельствах настоящего дела.

(c) Вывод

90. Европейский Суд отмечает, что жалоба заявительницы в той мере, в какой она касалась изъятия тканей ее мужа без ее согласия, не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

С. Существо жалобы

1. Доводы сторон

91. Заявительница утверждала, что изъятие ткани из тела ее мужа без ее согласия являлось вмешательством в ее право на личную жизнь. Она утверждала, что ей не дали возможности высказать свое отношение к изъятию ткани из тела ее погибшего мужа. Ее даже не информировали об этом вмешательстве. Заявительница также утверждала, что эксперт не мог проверить наличие штампа в паспорте мужа, поскольку паспорт находился у них дома в г. Сигулда, поэтому был недоступен для эксперта.

92. Во-первых, ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Хокканен против Финляндии» (*Hokkanen v. Finland*) (от 23 сентября 1994 г., *Series A*, № 299-A, § 55), заявительница утверждала, что вмешательство в ее право было незаконным и не преследовало какой-либо правовой цели. Заявительница ссылалась на статьи 4 и 11 Закона и утверждала, что в 2001 году в Латвийской Республике действовала система «явно выраженного согласия». Заявительница

¹ Опубликовано в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 1/2014.

² Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 4/2014.

полагала, что эксперты должны были выяснить, были ли согласны или возражали ближайшие родственники против изъятия ткани, и что на них было возложено обязательство сделать это в соответствии с вышеупомянутыми положениями. Она считала, что цель Закона заключалась в защите тела скончавшегося человека и что соблюдение этой цели необходимо было иметь в виду при толковании данных положений. В связи с этим она также ссылалась на международные документы (см. § 37 настоящего Постановления). В заключение, поправки, внесенные в Закон в 2004 году, подтвердили, что ранее действовала система «явно выраженного согласия». Дискуссия, касавшаяся систем «явно выраженного согласия» и «предполагаемого согласия» в Латвийской Республике, только начиналась в то время, когда было возбуждено уголовное расследование по настоящему делу. В итоге основные законодательные поправки были приняты Сеймом Латвийской Республики в 2004 году (см. § 50 настоящего Постановления). Заявительница утверждала, что даже после внесения этих поправок соответствующие правовые положения все еще не были достаточно ясными, но их формулировка была изменена для установления системы «предполагаемого согласия».

93. Заявительница также утверждала, что внутригосударственное законодательство было непредсказуемым при его применении, поскольку оно не предусматривало возможность для родственников возражать против изъятия ткани. Она ссылалась на различные выводы внутригосударственных органов о том, что правовые положения были неясными (см., например, § 28 настоящего Постановления), и отметила, что несколько прокуроров считали, что Закон действительно был нарушен (см., например, §§ 22, 24 и 27 настоящего Постановления). Заявительница считала, что эксперты воспользовались отсутствием четкости в своих интересах с целью извлечения финансовой выгоды. Заявительница пришла к выводу, что изъятие ткани из тела ее мужа не было проведено в соответствии с законодательством.

94. Во-вторых, заявительница считала, что «спасение жизни других» не могло являться правовой целью для изъятия ткани из тела мужа без ее согласия. И, в третьих, она утверждала, что властями государства-ответчика было недостаточно доказано, что это должно быть необходимо в демократическом обществе.

95. Власти государства-ответчика настаивали на том, что вмешательство в личную жизнь заявительницы в связи с изъятием ткани из тела ее мужа без его согласия или предварительного согласия заявительницы соответствовало критерию, изложенному в пункте 2 статьи 8 Конвенции.

96. Во-первых, власти государства-ответчика утверждали, что изъятие ткани было проведено в соответствии с внутригосударственным законодательством. Они особо подчеркнули, что Европейскому Суду в случае, если он отклонит их аргумент о неисчерпани средств правовой защиты, который касался обращения в Конституционный суд Латвийской Республики, следует исходить из того, что внутригосударственное законодательство соответствовало стандарту, предусмотренному статьей 8 Конвенции.

97. Они ссылались на пункт 3 Постановления Кабинета министров № 431(1996), а также на статьи 4 и 11 Закона и утверждали, что изъятие ткани было проведено в соответствии с внутригосударственным законодательством. При этом предварительного согласия не требовалось, и не было необходимости получать разрешение ближайших родственников умершего человека. Не противоречил закону и тот факт, что изъятие ткани проделали без согласия умершего человека и без согласия его или ее ближайших родственников. Власти государства-ответчика утверждали, что согласно статьям 4 и 11 Закона требовалось только «отсутствие любого возражения скончавшегося лица, выраженного перед смертью, или отсутствие явного возражения со стороны [ближайших родственников], выраженного перед изъятием ткани». Таким образом, власти государства-ответчика указывали, что в рассматриваемое время на территории Латвийской Республики действовала система «предполагаемого согласия». Они отметили, что система «предполагаемого согласия» не была инновационной и что Латвийская Республика не являлась единственным государством, в котором применялась эта система, она также действовала еще в 11 государствах.

98. По мнению властей государства-ответчика, эксперты проверили – до изъятия ткани – что в паспорте Э. Элбертса отсутствовал штамп, означавший, что он возражал против использова-

ния ткани его тела, и это предположительно было отмечено в виде аббревиатуры («zīm. nav») в регистрационном журнале. Однако в копии регистрационного журнала, предоставленной в Европейский Суд, нельзя было разглядеть разборчиво эту аббревиатуру.

99. В то же время власти государства-ответчика признали, что внутригосударственное законодательство не налагало обязательства на врача делать конкретные запросы о том, имелись ли какие-либо ближайшие родственники, и информировать их о возможном изъятии ткани. В этой связи они ссылались на постановление суда в ходе уголовного разбирательства (см. § 28 настоящего Постановления).

100. Во-вторых, власти государства-ответчика считали, что изъятие ткани проводилось с тем, чтобы «спасти и/или улучшить жизнь других людей». Они ссылались на постановление суда, вынесенное в ходе уголовного разбирательства (см. § 28 настоящего Постановления), в котором отмечалось, что «ткань [изымалась] из общечеловеческих соображений с целью улучшения состояния здоровья других людей и продления их жизни». Они также указывали на положения Преамбулы к Дополнительному протоколу о трансплантации органов и тканей человеческого происхождения о том, что практика донорства тканей и изъятия тканей с целью трансплантации «способствует спасению жизни или существенному улучшению ее качества» и что «трансплантация... тканей является признанной частью медицинских услуг, оказываемых людям». Власти государства-ответчика пришли к выводу, что изъятие ткани преследовало правовую цель, а именно защиту здоровья и прав других людей.

101. В-третьих, власти государства-ответчика напомнили, что государства пользуются свободой усмотрения при определении мер, которые необходимо предпринять при острой общественной потребности, чтобы защитить здоровье и права других людей. Власти государства-ответчика ссылались на дело «Даджен против Соединенного Королевства» (Dudgeon v. United Kingdom) и утверждали, что внутригосударственные власти должны проводить оценку острой общественной потребности в каждом конкретном случае и что они располагают свободой усмотрения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Даджен против Соединенного Королевства» (Dudgeon v. United Kingdom) от 22 октября 1981 г., Series A, № 45, § 52). Изъятие ткани и трансплантация были направлены на спасение жизней людей и могли существенно улучшить ее качество. Таким образом, существовала «острая общественная потребность» в донорстве ткани, поскольку трансплантация ткани стала признанной частью медицинских услуг, которые оказывались всему населению. Власти Латвийской Республики ссылались на тот факт, что ткань Э. Элбертса была изъята с целью получить материал для трансплантации, чтобы потенциально улучшить и/или спасти жизни других людей.

102. Прежде всего это обязанность и ответственность ближайших родственников скончавшегося лица своевременно информировать медицинский персонал о возражении умершего против изъятия его или ее ткани. В рассматриваемое время внутригосударственное законодательство не препятствовало ни Э. Элбертсу, ни заявительнице как его ближайшей родственнице высказать свою волю в отношении изъятия ткани. Они могли возражать против донорства ткани. Однако никто из них не сделал этого до того, как ткань была изъята в соответствии с Законом. Власти государства-ответчика пришли к выводу, что был достигнут справедливый баланс между «правом заявительницы на личную жизнь согласно положениям Конвенции – как внутригосударственное законодательство предусматривало право ближайшего родственника возражать против изъятия ткани из тела умершего человека до начала процедуры изъятия (что не было сделано ни Э. Элбертсом, ни заявительницей) – и острой общественной потребностью в обеспечении биоимплантатами для трансплантации ткани как части медицинских услуг, которые оказывались всему населению».

2. Мнение Европейского Суда

(а) Общие принципы

103. Основной целью статьи 8 Конвенции является защита лица от произвольного вмешательства со стороны государственных органов. Любое вмешательство в значении пункта 1 статьи 8 Конвенции должно быть обосновано с точки зрения пункта 2 этой статьи, а именно как

произведенное «в соответствии с законом» и являющееся «необходимым в демократическом обществе» для одной или более правовых целей, приведенных в статье. Понятие необходимости подразумевает, что вмешательство соотносится с острой общественной потребностью, в частности, что она соразмерна одной из правовых целей, преследуемых властями (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А В и С против Ирландии» (A B and C v. Ireland) от 16 декабря 2010 г., жалоба № 25579/05, §§ 218–241).

104. Европейский Суд ссылается на толкование приведенной фразы «в соответствии с законом» в своей правоприменительной практике (как кратко изложено в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «С. и Марпер против Соединенного Королевства» (S. and Marper v. United Kingdom), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, ECHR 2008, §§ 95–96). Особое значение в настоящем деле имеет требование о том, чтобы оспариваемая мера имела определенную основу во внутригосударственном законодательстве, которая должна быть совместима с принципом верховенства права, который, в свою очередь, означает, что внутригосударственное законодательство должно быть сформулировано достаточно четко и должно обеспечивать надлежащую правовую защиту от произвола. Следовательно, внутригосударственное законодательство должно определять достаточно четко границы свободы усмотрения, предоставляемой компетентным органам, и способ ее осуществления (см. из недавних примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «L.H. против Латвийской Республики», § 47).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

105. Что касается предполагаемого вмешательства, рассматривая обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что после автомобильной аварии мужу заявительницы были причинены угрожающие жизни телесные повреждения, от которых он скончался по дороге в больницу. На следующий день его тело было перевезено в судебно-медицинский центр, где было проведено вскрытие. Впоследствии некоторые ткани из его тела были изъяты и позднее отправлены в Германию для обработки в биоимпланты, предполагалось, что их вернут в Латвийскую Республику для целей трансплантации. Заявительнице, которая являлась одной из его ближайших родственниц, не сообщили об этом, и она не могла воспользоваться определенными правами, предусмотренными внутригосударственным законодательством, а именно высказать согласие или отказ в отношении изъятия ткани из тела ее мужа. Она узнала об изъятии ткани почти через два года, когда полиция безопасности возбудила уголовное дело в связи с незаконным изъятием органов и ткани в период с 1994 по 2003 год и связалась с ней.

106. Европейский Суд отмечает, что не оспаривался тот факт, что судебно-медицинский центр являлся государственным учреждением и что действия или бездействие его медицинского персонала, в том числе экспертов, которые проводили изъятие органов и ткани, позволили согласно Конвенции возложить ответственность на государство-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гласс против Соединенного Королевства» (Glass v. United Kingdom), жалоба № 61827/00, ECHR 2004-II, § 71).

107. Европейский Суд считает, что вышеупомянутые обстоятельства являются достаточными для того, чтобы сделать вывод о том, что имело место вмешательство в право заявительницы в ее личную жизнь согласно статье 8 Конвенции.

108. Что касается того, было ли вмешательство осуществлено «в соответствии с законом», Европейский Суд отмечает, что в рассматриваемое время законодательство Латвийской Республики прямо предоставляло право не только соответствующим лицам, но также его или ее ближайшим родственникам, в том числе супругам, высказывать свою волю в связи с изъятием ткани после смерти данного лица (см. §§ 44 и 45 настоящего Постановления). Стороны не оспаривали этого. Однако их мнения разошлись относительно осуществления данного права. Заявительница считала, что эксперты были обязаны выяснить волю ближайших родственников. Власти государства-ответчика полагали, что для проведения изъятия ткани было достаточно отсутствия какого-либо возражения. По мнению Европейского Суда, указанные вопросы отражают качество внутригосударственного законодательства, в частности, вопрос о том, достаточно ли точно было сформулировано внутригосударственное законодательство и была ли предо-

ставлена надлежащая защита против произвола при отсутствии соответствующего административного регулирования.

109. В данном контексте Европейский Суд отмечает, что принципиальное разногласие сторон заключается в том, было ли законодательство, которое в принципе предоставляет ближайшим родственникам право выражать согласие или отказ в отношении изъятия ткани, достаточно ясным и предсказуемым в применении в связи с осуществлением их прав. Заявительница утверждала, что у нее как у ближайшей родственницы отсутствовала возможность возражать против изъятия ткани, но власти государства-ответчика считали, что, тем не менее, она могла реализовать это право, поскольку ничто не мешало ей выразить свое согласие или возражение.

110. Европейский Суд напоминает, что в случае, когда внутригосударственное законодательство является предметом обсуждения, задача Европейского Суда заключается не в абстрактном пересмотре соответствующего законодательства. Напротив, он должен ограничиться, насколько это возможно, рассмотрением вопросов, поднятых настоящим делом в Европейском Суде (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (*Tahquet v. Belgium*) жалоба № 926/05, *ECHR* 2010, § 83, *in fine*). Европейский Суд отмечает, что стороны подробно обсуждали, действовала ли в рассматриваемое время в Латвийской Республике система «явно выраженного согласия» или система «предварительного согласия» (см. также мнения экспертов и следователей в § 18 настоящего Постановления). Вместе с тем следует иметь в виду, что вопрос, поставленный перед Европейским Судом в настоящем деле, является не общим вопросом о том, обязано ли государство-ответчик обеспечить наличие особой системы согласия. Вопрос, скорее, заключается в праве заявительницы выражать волю в отношении изъятия ткани из тела ее мужа после его смерти и в предполагаемом отказе внутригосударственных органов обеспечить правовые и практические условия для осуществления этого права.

111. Отправной точкой для рассмотрения Европейским Судом является тот факт, что заявительнице не сообщили о проведении операции по изъятию ткани из тела ее мужа. Внутригосударственные власти утверждали, что в то время, как правило, эксперты судебно-медицинского центра, проводя подобные операции по изъятию ткани, не пытались связаться с родственниками умерших (см. § 16 настоящего Постановления). Кроме того, есть также доказательства того, что даже в том случае, если эксперты связывались с родственниками, они не информировали их о предстоящем изъятии ткани и не получали их согласие (см. § 27 настоящего Постановления).

112. Что касается вопроса о том, было ли внутригосударственное законодательство сформулировано достаточно точно, Европейский Суд отмечает, что внутригосударственные органы сами имели противоречивые суждения относительно рамок обязательств, предусмотренных внутригосударственным законодательством. С одной стороны, в то время как полиция безопасности полагала, что изъятие ткани допускалось только при предварительном выраженном согласии и что в случае отсутствия согласия изъятие ткани становилось незаконным, внутригосударственные органы также признавали, ссылаясь на мнение экспертов, что было возможно различное толкование внутригосударственного законодательства, таким образом делая невозможным предъявление обвинения (см. §§ 18 и 20 настоящего Постановления). С другой стороны, различные надзиравшие прокуроры пришли к выводу, что, изымая ткани без предварительного выраженного согласия, эксперты нарушили законодательство и должны были быть привлечены к уголовной ответственности (см. §§ 22, 24 и 25 настоящего Постановления). В итоге полиция безопасности согласилась с толкованием прокурорами внутригосударственного законодательства и установила, что права ближайших родственников, в том числе заявительницы, были нарушены. Однако любое уголовное преследование в рассматриваемое время стало невозможным в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (см. § 27 настоящего Постановления). В заключение внутригосударственный суд, допуская, что ближайшие родственники имели право на выраженное согласие или возражение в отношении изъятия ткани, отверг точку зрения, высказанную обвинением, и постановил, что внутригосударственное законодательство не налагало на экспертов обязательств по информированию ближайших родственников и разъяснению им их прав. Эксперты не могли быть признаны виновными в на-

рушении обязательства, которое не было четко прописано в законодательстве (см. § 28 настоящего Постановления).

113. Европейский Суд считает, что такое расхождение во мнении по вопросу рамок применявшегося законодательства между самими органами, ответственными за его исполнение, безусловно, указывает на отсутствие достаточной ясности. В связи с этим Европейский Суд ссылается на постановление внутригосударственного суда о том, что, хотя статья 4 Закона предоставляет право ближайшим родственникам отказываться в изъятии органов и/или тканей из тела умершего, она не налагает обязательство на экспертов по разъяснению родственникам их прав (см. § 28 настоящего Постановления). Власти государства-ответчика также ссылались на данное постановление, чтобы обосновать, что изъятие ткани не было незаконным (см. §§ 97 и 99 настоящего Постановления). Это позволяет Европейскому Суду прийти к выводу о том, что, хотя законодательство Латвийской Республики устанавливало правовые рамки, позволявшие ближайшим родственникам выразить согласие или отказ в отношении изъятия ткани, оно недостаточно четко определило сферу действия соответствующего обязательства или свободу усмотрения, возлагавшихся на экспертов или других полномочных представителей. Европейский Суд отмечает в этой связи, что соответствующие европейские и международные документы по данному вопросу уделяли особое внимание принципу, заключавшемуся в том, что мнения родственников должны были определяться с помощью разумных вопросов (см. §§ 34 и последующие настоящего Постановления). В частности, как отмечалось в Пояснительном докладе к Дополнительному протоколу, независимо от того, какую систему государство намерено задействовать – будь то, система «явно выраженного согласия» или система «предварительного согласия» – должны быть также установлены соответствующие процедуры и реестры. Если воля умершего человека установлена недостаточно точно, необходимо связаться с родственниками, чтобы заручиться их мнением до изъятия ткани (см., в частности, комментарий к статье 17 Дополнительного протокола, § 37 настоящего Постановления).

114. Кроме того, Европейский Суд напоминает, что принцип законности требует от государств не только уважать и применять предсказуемо и последовательно принятые ими законы, но также крайне необходимо гарантировать правовые и практические условия для их реализации (см., *mutatis mutandis*¹, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*) жалоба № 31443/96, *ECHR* 2004-V, §§ 147 и 184). После гибели мужа заявительницы 19 мая 2001 г. экспертам судебно-медицинского центра было позволено изъять из его тела ткань в течение 24 часов после подтверждения того, что в его паспорте отсутствует специальный штамп, означавший, что при жизни он возражал против данной процедуры (см. § 16 настоящего Постановления). Однако ясно, что в рассматриваемое время не было единого реестра штампов, которые ставились в паспорта, фиксируя отказ или согласие на использование тела человека, чью личность удостоверял паспорт, после его смерти (в отличие от ситуации, сложившейся после вступления в силу законодательных поправок от 1 января 2002 г., и включения этой информации в Государственный реестр жителей, описанный в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Петрова против Латвийской Республики», § 35). Более того, очевидно, что не существовало какой-либо процедуры для государственных учреждений и экспертов, следуя которой надлежало запрашивать и получать подобную информацию. Власти государства-ответчика утверждали, что эксперт проверил паспорт Э. Элбертса до изъятия ткани, но заявительница утверждала, что паспорт мужа находился дома. Таким образом, процедура, согласно которой действовал эксперт, чтобы проверить информацию, содержащуюся в паспорте Э. Элбертса, остается неясной. Независимо от того, проверял или нет эксперт паспорт Э. Элбертса, остается неясным, как система согласия, действовавшая в рассматриваемое время в соответствии с законодательством Латвийской Республики, осуществлялась на практике в обстоятельствах, в которых оказалась заявительница, когда она как ближайшая родственница обладала определенными правами, но не была проинформирована о том, как и когда эти права могут быть реализованы, не говоря о предоставлении какого-либо объяснения.

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (*примеч. переводчика*).

115. Что касается вопроса о том, предоставляло ли внутригосударственное законодательство надлежащую правовую защиту от произвола, Европейский Суд отмечает, что изъятие ткани в настоящем деле не было единичным действием, как в вышеупомянутом деле «Петрова против Латвийской Республики», а было проведено на основании соглашения, заключенного между государством и иностранной фармацевтической компанией, изъятие органов и тканей проводилось во многих случаях (см. 13, 14 и 26 настоящего Постановления). В данных обстоятельствах чрезвычайно важно, чтобы вводились надлежащие механизмы с целью сбалансировать широкую свободу усмотрения, предоставлявшуюся экспертам для проведения изъятия органов и тканей по их собственной инициативе (см. 15 настоящего Постановления), но этого не было сделано (см. также международные документы, приведенные в § 34 настоящего Постановления). Рассматривая довод властей государства-ответчика о том, что ничто не мешало заявительнице выразить свое несогласие с изъятием ткани, Европейский Суд отмечает отсутствие какого-либо административного или правового регулирования в этой области. Следовательно, заявительница не могла предвидеть, что ей следовало делать в случае, если она хотела воспользоваться этим правом.

116. В свете вышеизложенного Европейский Суд не может не прийти к выводу о том, что действовавшее законодательство Латвийской Республики было сформулировано недостаточно точно и не предоставляло надлежащей правовой защиты от произвола.

117. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что вмешательство в право заявительницы на уважение ее личной жизни не соответствовало законодательству по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Отсюда следует, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции. Принимая во внимание данный вывод, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать жалобу о соблюдении других требований пункта 2 статьи 8 Конвенции в настоящем деле (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Копп против Швейцарии» (*Kopp v. Switzerland*) от 25 марта 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-II, § 76, и Постановление Европейского Суда по делу «Хейно против Финляндии» (*Heino v. Finland*) от 15 февраля 2011 г., жалоба № 56720/09, § 49).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

118. Заявительница также обжаловала, ссылаясь на статью 3 Конвенции, тот факт, что изъятие ткани из тела мужа проводилось без ее предварительного согласия или уведомления, и что она была вынуждена похоронить его со связанными ногами.

119. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

120. Власти государства-ответчика оспорили этот довод.

А. Приемлемость жалобы

121. Власти Латвийской Республики представили те же предварительные замечания, касающиеся неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, какие уже были выдвинуты выше, и заявительница с ними не согласилась (см. §§ 69–77 настоящего Постановления). В этом отношении Европейский Суд ссылается на свою приведенную выше оценку (см. §§ 78–87 настоящего Постановления) и полагает ее применимой и по данному пункту.

122. Кроме того, власти Латвийской Республики ссылались на инструкцию Министерства юстиции Латвийской Республики (действовавшую до 1 января 2002 г.) относительно процедуры посмертных судебно-медицинских исследований и на Закон о рассмотрении ходатайств, жалоб и предложений государственными и муниципальными учреждениями (действовавший до 1 января 2008 г.). Власти государства-ответчика утверждали, что заявительница могла подать жалобу относительно состояния тела своего скончавшегося мужа. Заявительница не согласилась с этим. Европейский Суд отмечает, что власти Латвийской Республики не уточнили способ, которым предполагаемое средство правовой защиты могло обеспечить возмещение по жалобе заявительницы. Европейский Суд считает достаточным сослаться на свою приве-

денную выше оценку относительно того, что обращение заявительницы к уголовно-правовому средству правовой защиты было уместным (см. § 85 настоящего Постановления). Европейский Суд также дополняет, что заявительница обжаловала факт осквернения тела ее умершего мужа после изъятия тканей в рамках уголовного дела относительно предположительно незаконного изъятия тканей. Прокуроры двух уровней рассмотрели жалобы заявительницы и отклонили их, решив, что отсутствовали доказательства осквернения (см. §§ 31–32 настоящего Постановления). Следовательно, возражение властей Латвийской Республики отклоняется.

123. Власти Латвийской Республики утверждали, что заявительница не выполнила требование шестимесячного срока для подачи жалоб в Европейский Суд, учитывая, что она узнала о состоянии тела умершего мужа 26 мая 2001 г., в день похорон. Однако Европейский Суд отмечает, что в указанный день заявительница еще не знала об изъятии тканей из тела мужа и узнала об этом только через два года, когда было возбуждено уголовное дело. Впоследствии заявительница стала участницей уголовного процесса. В связи с этим Европейский Суд считает, что окончательное решение по жалобе заявительницы было вынесено 23 октября 2008 г., когда окончательным постановлением производство по уголовному делу было прекращено. Европейский Суд отклоняет предварительное возражение в этом отношении.

124. Власти Латвийской Республики, ссылаясь на дело «Чакыджи против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 23657/94, *ECHR* 1999-IV, § 98), утверждали, что заявительница не могла считаться жертвой по смыслу статьи 3 Конвенции, поскольку ни она, ни ее муж никогда не возражали против изъятия тканей. Они также отмечали, что, поскольку на внутрисударственном уровне заявительница никогда не подавала жалобу о том, что ей пришлось похоронить мужа со связанными ногами, она не может считаться жертвой в производстве перед Европейским Судом. Заявительница отметила, что дело «Чакыджи против Турции» касалось исчезновения лица, в то время как она видела тело мужа перед похоронами, и ноги у него были связаны. Она была в шоке, но не знала об изъятии тканей. Европейский Суд полагает, что в настоящем деле вопрос о том, может или нет заявительница считаться жертвой нарушения Конвенции, тесно связан с существом дела. Следовательно, он объединяется с рассмотрением вопроса по существу.

125. В заключение власти Латвийской Республики настаивали на том, что жалоба заявительницы являлась несовместимой *ratione materiae*¹ с положениями Конвенции. Власти Латвийской Республики утверждали, что была изъята только внешняя оболочка головного мозга (*dura mater*). Хотя власти государства-ответчика согласились, что изъятие тканей у умершего человека без согласия или уведомления ближайших родственников этого лица может на индивидуальной и субъективной основе вызвать переживания, они не считали, что само по себе данное переживание поднимало вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции. Власти Латвийской Республики считали, что последнее указанное положение не устанавливало общую обязанность получать согласие или уведомлять близких родственников об изъятии тканей. Власти Латвийской Республики полагали, что жалоба заявительницы должна была быть рассмотрена исключительно на основании статьи 8 Конвенции. Европейский Суд находит, что в настоящем деле вопрос о том, попадает ли жалоба заявительницы в сферу действия статьи 3 Конвенции или нет, тесно связан с существом жалобы. Следовательно, вопрос объединяется с рассмотрением жалобы по существу.

126. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что жалоба не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

¹ Критерий *ratione materiae* (лат.) – обжалуемое заявителем право должно быть гарантировано Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (*примеч. переводчика*).

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

127. Заявительница утверждала, что в настоящем деле был достигнут минимальный уровень жестокости, необходимый для применения статьи 3 Конвенции. Она была свидетельницей состояния тела ее мужа – со связанными ногами – после изъятия тканей. В рассматриваемое время она была беременна вторым ребенком. Заявительница считала, что незаконное изъятие тканей являлось бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, запрещенным статьей 3 Конвенции, и оно вызвало у нее состояние шока и причинило страдания. В подтверждение заявительница представила письменные показания своей сестры, которая сообщила, что видела тело Э. Элбертса в г. Сигулда после его выдачи из судебно-медицинского центра и до похорон и что ноги у него были связаны темной лентой, и предположила, что это являлось следствием автомобильной аварии.

128. Кроме того, заявительница подчеркнула, что на протяжении всего уголовного дела ей не предоставили возможность установить, какие органы или ткани были изъяты из тела ее мужа. Сначала она думала, что ноги мужа были связаны из-за последствий автомобильной аварии. Впоследствии она предположила, что они были связаны в результате изъятия тканей с ног и внедрения другого материала. Заявительница смогла узнать, какие именно ткани были изъяты из тела ее мужа, только когда она получила замечания властей Латвийской Республики по настоящей жалобе.

129. Заявительница, ссылаясь на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) (жалоба № 26772/95, *ECHR* 2000-IV, § 131), утверждала, что не было проведено эффективного расследования. Уголовное расследование длилось пять лет и было прекращено в связи с истечением установленных законом сроков давности. Заявительница отметила, что она подала 13 жалоб и что четыре решения были отменены. Заявительница считала, что расследование не было завершено в течение разумного срока и оно было ненадлежащим образом затянато. Заявительница вместе с другими жертвами осталась без возмещения ущерба, а эксперты не понесли наказания.

130. Власти Латвийской Республики настаивали на том, что изъятие тканей осуществлялось в соответствии с внутригосударственным законодательством. Заявительница не смогла доказать, что изъятие тканей из тела ее мужа являлось бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Сельчук и Аскер против Турции» (*Selçuk and Asker v. Turkey*) (от 24 апреля 1998 г., *Reports* 1998-II, § 78), власти Латвийской Республики утверждали, что заявительница не продемонстрировала наличие «переживаний и страданий» в связи с изъятием тканей без ее предварительного согласия. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) (от 18 января 1978 г., *Series A*, № 25, § 167), власти государства-ответчика также отмечали, что заявительница не продемонстрировала, что она испытывала «чувства страха, страдания и неполноценности, способные оскорбить и унижить ее». Власти Латвийской Республики повторили, что из тела была изъята только *dura mater*. Даже если бы заявительница испытывала определенные эмоциональные страдания и переживания в связи с изъятием тканей без ее согласия или уведомления, что сопровождалось неизбежными страданиями и переживаниями в результате утраты близкого члена семьи, эти переживания не достигали необходимого минимального уровня жестокости, чтобы попадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Власти Латвийской Республики также утверждали, что во время вскрытия из тела мужа заявительницы было также изъято сердце и что твердую мозговую оболочку также необходимо было изъять и рассмотреть, чтобы оценить, был ли поврежден череп. Это могло причинить эмоциональные страдания, но не достигало минимального уровня жестокости, требуемого для применения статьи 3 Конвенции.

131. Власти Латвийской Республики указывали, что заявительница присутствовала в больнице г. Сигулда, и в обязанности близких родственников входило уведомить медицинский персонал о своем местонахождении и связаться с ними, если они хотели возразить против изъятия тканей. Они также подчеркивали, что изъятие было осуществлено по соглашению с компанией, ткани были направлены в компанию для переработки в биоимпланты, а затем возвращены в Латвийскую Республику для трансплантации, и что целью этих действий было улучшение и спасение жизней других лиц. Власти Латвийской Республики подчеркнули, что изъятие тканей было осуществлено «очень быстро» и что даже незначительные задержки означали бы потерю необходимого времени, когда можно было осуществить изъятие. Власти Латвийской Республики, ссылаясь на тот факт, что при жизни муж заявительницы не возражал против изъятия тканей и не высказывал такой точки зрения заявительнице, утверждали, что заявительница не могла настаивать на том, что изъятие тканей было проведено вопреки ее желанию или желанию мужа.

132. Власти Латвийской Республики также отмечали, что утверждение заявительницы о том, что ноги ее умершего мужа были связаны, было ложным, поскольку оно не было подтверждено какими-либо достоверными доказательствами. По мнению властей государства-ответчика, согласно информации судебно-медицинского центра тело мужа заявительницы было приведено в порядок, очищено и вымыто после вскрытия. Власти Латвийской Республики повторяли, что не было зафиксировано жалоб на состояние тела. В соответствии с заключением о вскрытии ноги мужа заявительницы не были повреждены в автомобильной аварии. В настоящем деле не был соблюден стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», поскольку утверждения заявительницы относительно состояния тела ее умершего мужа не были подтверждены какими-либо доказательствами.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Общие принципы

133. В деле «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 17 июля 2004 г., жалобы №№ 32541/08 и 43441/08¹, §§ 113–118) Европейский Суд кратко изложил применимые принципы следующим образом:

«...113. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Конвенция в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств поведения жертвы (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 119, *ECHR* 2000-IV).

114. Для отнесения к сфере действия статьи 3 Конвенции жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня суровости. Оценка указанного минимального уровня может быть различной: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, § 67, *ECHR* 2006-IV). Вопрос о том, преследовало ли подобное обращение цель унижения или оскорбления жертвы, является еще одним фактором, который должен приниматься во внимание, но отсутствие такой цели не может в решающей степени исключить установления нарушения статьи 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «V. против Соединенного Королевства» (*V. v. United Kingdom*), жалоба № 24888/94, § 71, *ECHR* 1999-IX).

115. Обращение считается «унижающим человеческое достоинство» в значении статьи 3 Конвенции, если оно унижает или оскорбляет лицо, свидетельствуя о неуважении или умалении человеческого достоинства, или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные повредить моральному или физическому сопротивлению лица (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (*M.S.S. v. Belgium and Greece*), жалоба № 30696/09,

¹ Опубликовано в периодическом электронном издании «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» № 11/2014.

§ 220, *ECHR* 2011, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Эль-Масри против Македонии” (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 39630/09, § 202, *ECHR* 2012). Публичный характер обращения может быть значимым или усугубляющим фактором при оценке того, является ли оно “унижающим достоинство” в значении статьи 3 Конвенции (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу “Тайрер против Соединенного Королевства” (*Tyrer v. United Kingdom*) от 25 апреля 1978 г., § 32, Series A, № 26, Постановление Европейского Суда по делу “Эрдоан Яыз против Турции” (*Erdoğan Yağız v. Turkey*) от 6 марта 2007 г., жалоба № 27473/02, § 37, и Постановление Европейского Суда по делу “Куммер против Чешской Республики” (*Kummer v. Czech Republic*) от 25 июля 2013 г., жалоба № 32133/11, § 64).

116. Для того, чтобы обращение рассматривалось как “унижающее достоинство”, испытываемые страдания и унижение в любом случае должны выходить за пределы неизбежного элемента страдания или унижения, связанного с применением данной формы правомерного обращения (см. упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “V. против Соединенного Королевства”, § 71)...

118. Уважение человеческого достоинства составляет одну из основ Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу “Притти против Соединенного Королевства” (*Pretty v. United Kingdom*), жалоба № 2346/02, § 65, *ECHR* 2002-III). Объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц также требуют толкования и применения ее положений таким образом, чтобы эти гарантии были практическими и эффективными. Любое толкование гарантированных прав и свобод должно быть совместимо с общим духом Конвенции, инструментом, направленным на поддержание и развитие идеалов и ценностей демократического общества (см. Постановление Европейского Суда по делу “Сёринг против Соединенного Королевства” (*Soering v. United Kingdom*) от 7 июля 1989 г., § 87, Series A, № 161)...

134. Европейский Суд также отмечает, что, оценивая доказательства в связи с заявлением о нарушении статьи 3 Конвенции, он применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения». Однако такое доказывание может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных выводов или из аналогичных неопровержимых презумпций фактов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фарбтуш против Латвийской Республики» (*Farbtuhs v. Latvia*) от 2 декабря 2004 г., жалоба № 4672/02, § 54, и Постановление Европейского Суда по делу «Базъякс против Латвийской Республики» (*Bazjaks v. Latvia*) от 19 октября 2010 г., жалоба № 71572/01, § 74).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

135. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что заявительница утверждала о перенесенных эмоциональных страданиях в связи с тем фактом, что изъятие тканей у ее мужа было проведено в нарушение требований внутригосударственного законодательства без согласия или уведомления самой заявительницы и что ей пришлось похоронить мужа, когда у него были связаны ноги. Власти Латвийской Республики считали, что первое из указанных утверждений не достигло уровня жестокости, требующего применения статьи 3 Конвенции, а что второе утверждение не было доказано «вне всякого разумного сомнения».

136. Европейский Суд отмечает, что заявительница узнала об изъятии тканей у ее мужа через два года после похорон и что прошло еще пять лет, прежде чем были сделаны окончательные выводы относительно возможности уголовно наказуемого деяния в этом отношении. Заявительница утверждала, и власти Латвии не отрицали, что на протяжении всего этого периода ей не сообщали, какие именно органы или ткани были изъяты из тела ее умершего мужа, она узнала об этом, только получив замечания властей Латвийской Республики по данной жалобе. Заявительница также выдвинула несколько причин того, почему ноги ее мужа были связаны, и ее доводы были подтверждены письменными показаниями члена семьи. Ввиду этих фактов заявительница как ближайшая родственница мужа испытывала эмоциональные страдания.

137. Задачей Европейского Суда является уточнить, достигало ли указанное страдание ввиду особых обстоятельств дела уровня, способного отнести его к сфере действия статьи 3 Конвенции. Европейский Суд никогда не оспаривал в своей правоприменительной практике глубокое психологическое воздействие, которое серьезное нарушение прав человека оказы-

вает на членов семьи жертвы нарушения. Однако чтобы в отношении родственников жертвы было установлено отдельное нарушение статьи 3 Конвенции, должны иметь место специальные факторы, придающие переживаниям родственников степень и характер, отличающие их от эмоциональных переживаний, неизбежно следующих из самого нарушения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Салахов и Ислямова против Украины» (Salakhov and Islyamova v. Ukraine) от 14 марта 2013 г., жалоба № 28005/08, § 199). К соответствующим элементам относятся близость семейных связей и способ, которым власти отвечали на запросы родственников (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакиджи против Турции» (Çakıcı v. Turkey), § 98, где этот принцип был применен в контексте принудительного исчезновения, Постановление Европейского Суда по делу «Мубиланзила Маека и Каника Митунга против Бельгии» (Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium) от 12 октября 2006 г., жалоба № 13178/03, § 61, где Европейский Суд также сослался на этот принцип при рассмотрении жалобы матери на ее страдания в связи с нахождением ее пятилетней дочери в другой стране, и Постановление Европейского Суда по делу «М.Р. и другие против Болгарии» (M.P. and Others v. Bulgaria) от 15 ноября 2011 г., жалоба № 13178/03, § 61, где соответствующая жалоба касалась страданий родственников ребенка, подвергнувшегося жестокому обращению). В приведенных делах Европейский Суд обращал внимание на связь родитель–ребенок. Европейский Суд постановил, что суть нарушения заключалась в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводилась до их сведения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Салахов и Ислямова против Украины», § 200). Аналогичные рассуждения можно применить в данном деле, касающемся заявительницы и ее покойного мужа.

138. Европейский Суд отличает настоящее дело от дел, представленных на рассмотрение Европейского Суда членами семей жертв «исчезновений» или внесудебных казней, совершенных сотрудниками сил безопасности (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Лулуев другие против Российской Федерации» (Luluyev and Others v. Russia), жалоба № 69480/01¹, ECHR 2006-XIII (извлечения), §§ 116–118), и от дел, где люди были убиты в результате действий властей в нарушение статьи 2 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Эсмухамбетов и другие против Российской Федерации» (Esmukhambetov and Others v. Russia) от 29 марта 2011 г., жалоба № 23445/03², §§ 138–151 и 190). Также в настоящем деле нет каких-либо предположений относительно повреждения тела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аккум и другие против Турции» (Akkum and Others v. Turkey), жалоба № 21894/93, ECHR 2005-II (извлечения), §§ 258–259, и Постановление Европейского Суда по делу «Акпынар и Алтун против Турции» (Akpınar and Altun v. Turkey) от 27 февраля 2007 г., жалоба № 56760/00, §§ 84–87) или расчленения и отсечения головы у тела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хаджалиев и другие против Российской Федерации» (Khadzhaliev and Others v. Russia) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 56760/00, §§ 84–87).

139. Хотя нельзя сказать, что заявительница страдала от длительной неизвестности относительно судьбы ее мужа, Европейский Суд полагает, что заявительница длительное время испытывала неуверенность, душевные страдания и переживания относительно того, какие органы или ткани были изъяты из тела ее мужа и каким способом и с какой целью это было сделано. В этом контексте довод властей Латвийской Республики о том, что была извлечена только *dura mater*, не имеет никакого значения. В любом случае заявительница узнала об этом только во время производства по ее жалобе в Европейском Суде. Во время рассматриваемых событий заявительница не имела причин оспаривать действия судебно-медицинского центра, поскольку тело ее мужа было туда доставлено для установления причин смерти. Впоследствии было возбуждено уголовное дело в отношении законности изъятия тканей, осуществленного судебно-медицинским центром, и было выяснено, что ткани были изъяты не только из тела мужа заявительницы, но и сотен других лиц (около 500 человек в течение трех лет, например) на протяжении девяти лет (см. §§ 13–33 настоящего Постановления). Также было установлено, что изъятия проводились в соответствии с государственным соглашением с зарубежной фар-

¹ Опубликовано в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 3/2008.

² Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 4/2012.

мацевтической компанией. Данная схема осуществлялась государственными должностными лицами, судебно-медицинскими экспертами, которые в дополнение к своим обычным обязанностям по выполнению судебно-медицинских экспертиз проводили изъятия по своей инициативе (см. § 15 настоящего Постановления). Эти особые факторы причинили дополнительные страдания заявительнице.

140. Европейский Суд полагает, что страдания заявительницы имели степень и характер, которые выходили за пределы страданий, причиняемых смертью близкого родственника. Европейский Суд уже установил нарушение статьи 8 Конвенции, поскольку как близкий родственник заявительница имела право выразить согласие или отказ в связи с изъятием тканей, если бы соответствующее обязательство или свобода усмотрения со стороны внутригосударственных властей не было бы недостаточно ясно установлено в праве Латвийской Республики и если бы не отсутствие административного или правового регулирования в этом отношении (см. §§ 109–116 настоящего Постановления). Хотя имеются существенные различия между настоящим делом и упоминавшемся выше делом «Петрова против Латвийской Республики» в том, что касается размеров и масштабов изъятия органов или тканей, Европейский Суд, тем не менее, отметил в обоих случаях определенные структурные недостатки, которые существуют в Латвийской Республике в сфере трансплантации органов и тканей. Эти факторы также следует принимать во внимание в контексте Латвийской Республики, когда речь идет о статье 3 Конвенции. Кроме того, были не только нарушены права заявительницы как близкой родственницы, но она также столкнулась с противоречащими мнениями органов власти относительно пределов обязательств, предусмотренных внутригосударственным законодательством. Помимо этого, хотя полиция безопасности и разные прокуроры не пришли к соглашению о том, было ли законодательство Латвийской Республики достаточно ясным для того, чтобы привлечь на его основе лицо к ответственности, они все полагали, что изъятие без согласия было незаконным (см. §§ 18, 20, 22, 24–25 настоящего Постановления). Однако к моменту разрешения противоречий срок давности привлечения к уголовной ответственности истек (см. § 27 настоящего Постановления), и в любом случае внутригосударственный суд не допустил бы подобного обвинения, так как закон не был достаточно ясным (см. § 28 настоящего Постановления). Данные факты демонстрируют способ, которым власти государства-ответчика рассматривали представленные им жалобы, и пренебрежение властей по отношению к жертвам этих действий и их близким родственникам, включая заявительницу. Эти обстоятельства усиливали чувство беспомощности заявительницы перед лицом нарушения ее личных прав, касающихся крайне чувствительных аспектов ее личной жизни, а именно дача согласия или отказа в связи с изъятием тканей, и сопровождалась отсутствием возможности получения какого-либо возмещения.

141. Страдания заявительницы также усиливались тем фактом, что она не была проинформирована о том, что конкретно было сделано в судебно-медицинском центре. Ей не сообщили об изъятии тканей, и, обнаружив, что во время похорон у ее мужа были связаны ноги, заявительница предположила, что это явилось следствием автомобильной аварии. Через два года заявительнице сообщили о вестующем расследовании уголовного дела и о потенциально незаконных действиях в отношении тела умершего мужа заявительницы. Очевидно, что в этот момент заявительница испытала особые сильные переживания и поняла, что ее мужа похоронили со связанными ногами, вероятно, в результате действий, осуществленных с его телом в судебно-медицинском центре. Довод властей Латвийской Республики о том, что это не было доказано «вне всяких разумных сомнений», не заслуживает доверия, поскольку жалоба заявительницы касается страданий, вытекающих именно из чувства неуверенности, касающегося действий, осуществленных в судебно-медицинском центре в отношении тела ее покойного мужа.

142. В особой сфере трансплантации органов и тканей признается, что к телу человека следует относиться с уважением, даже после смерти. Действительно, международные договоры, включая Конвенцию о правах человека и биомедицине и Дополнительный протокол, включая пояснительный отчет к протоколу, были созданы, чтобы защитить права доноров органов и тканей, живущих или умерших. Целью этих договоров является защита достоинства, личности и целостности «каждого» рожденного человека, независимо от того, живет он сейчас или умер (см. § 37 настоящего Постановления). Как указано выше в § 133 настоящего Постановления,

уважение человеческого достоинства формирует часть самой сути Конвенции, обращение считается «унижающим человеческое достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, *inter alia*, когда оно унижает лицо, проявляя недостаток уважения к человеческому достоинству. Страдания заявительницы были вызваны не только нарушением ее прав как ближайшей родственницы и, как следствие, неуверенностью в том, что было сделано в судебно-медицинском центре, но также интрузивным характером действий, осуществленных в отношении тела ее мужа, и ее переживаниями в этом отношении как его ближайшей родственницы.

143. В этих особых обстоятельствах возражение властей Латвийской Республики о том, что жалоба заявительницы не попадает в сферу действия статьи 3 Конвенции и что заявительница не может считаться жертвой нарушения Конвенции, отклоняются. Европейский Суд не сомневается, что причиненные заявительнице в данном деле страдания являлись унижающим достоинство обращением в нарушение статьи 3 Конвенции. Следовательно, Европейский Суд устанавливает нарушение указанной статьи.

III. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

144. В заключение заявительница ссылаясь на статью 13 Конвенции в связи с тем фактом, что существовало несколько возможных вариантов толкования внутригосударственного законодательства.

145. Власти государства-ответчика оспорили это утверждение.

146. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба связана с рассмотренной выше жалобой на нарушение статьи 8 Конвенции, поэтому также должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

147. Однако Европейский Суд полагает, что он уже рассмотрел вопрос о недостаточной ясности внутригосударственного законодательства в рамках рассмотрения выше статьи 8 Конвенции. Таким образом, Европейский Суд не считает необходимым рассматривать эту жалобу отдельно в свете статьи 13 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

148. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

149. Заявительница требовала 40 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

150. Власти государства-ответчика утверждали, что заявительница не продемонстрировала достаточно убедительно, что ей был причинен моральный вред в заявленной степени, и полагали требуемую сумму чрезмерной и недопустимой. Ссылаясь на дело «Шаннон против Латвийской Республики» (*Shannon v. Latvia*) (Постановление Европейского Суда от 24 ноября 2009 г., жалоба № 32214/03, § 84), власти государства-ответчика полагали, что один только факт установления нарушения будет являться надлежащей и достаточной компенсацией.

151. Учитывая характер установленных нарушений и принимая решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявительнице 16 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

152. Заявительница требовала 500 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных при рассмотрении жалобы Европейским Судом.

153. Власти государства-ответчика не обжаловали требования заявительницы по данному пункту. Они считали их достаточно обоснованными и разумными.

154. Согласно правоприменительной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если доказано, что они были понесены в

действительности, по необходимости и являлись разумными по количеству. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанный выше критерий, Европейский Суд считает разумным присудить заявительнице 500 евро, покрывающие расходы по всем пунктам.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

155. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1) *решил* рассмотреть одновременно с существом жалобы возражение властей Латвийской Республики относительно того, что жалоба заявительницы на нарушение статьи 3 Конвенции несовместима *ratione materiae* и *ratione personae* с положениями Конвенции, и *отклонил* его;

2) *объявил*, что жалоба заявительницы на нарушение статьи 8 Конвенции в той части, в которой она касается изъятия тканей ее умершего мужа без ее согласия, жалоба на нарушение статьи 13 Конвенции являются приемлемыми для рассмотрения по существу, а остальная часть жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции – неприемлемой;

3) *объявил*, что жалоба на нарушение статьи 3 Конвенции является приемлемой для рассмотрения по существу;

4) *постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

5) *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

6) *постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции;

7) *постановил*, что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы:

(i) 16 000 (шестнадцать тысяч) евро плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 500 (пятьсот) евро плюс любой налог, который может быть взыскан применительно к заявительнице с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанную сумму должен начисляться простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей на период невыплаты, плюс три процента;

8) *отклонил* оставшиеся требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 13 января 2015 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош АРАДЖ
Заместитель Секретаря Секции Суда

Пааиви ХИРВЕЛАА
Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается особое мнение судьи Кжиштофа Войтишека.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КЖИШТОФА ВОЙТИШЕКА

1. В данном деле я проголосовал вместе с большинством судей. Однако у меня вызывает сомнения часть аргументации.

2. Я уже выразил свое мнение относительно прав в сфере трансплантации в своем совпадающем мнении по делу «Петрова против Латвийской Республики» (*Petrova v. Latvia*) (Постановление Европейского Суда от 24 июня 2014 г., жалоба № 4605/05). Здесь я хотел бы представить дополнительные объяснения.

По моему мнению, право заявительницы возражать против трансплантации органов ее умершего мужа не является автономным правом, которое может быть осуществлено *ad libitum*¹. Это право следует из права умершего человека принимать независимое решение о трансплантации своих органов. Живой родственник выступает в качестве депозитария прав покойного. Поэтому заявительница могла согласиться или возражать против трансплантации органов ее покойного мужа только в той степени, в которой она выражала волю покойного. Иной подход привел бы к тому, что тело умершего человека превратилось бы в объект произвольных распоряжений со стороны родственников.

3. Тот факт, что заявительница действительно осуществляет право по защите воли своего умершего мужа, не означает, что согласно Конвенции это право имеет идентичный статус с правом ее мужа. Какой бы тесной ни была взаимосвязь между двумя рассматриваемыми правами, предоставляемая им Конвенцией защита может быть разной. Как я объяснял в своем совпадающем мнении в деле «Петрова против Латвийской Республики», право лица выражать волю умершего лица в отношении трансплантации относится к сфере семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции. Рассматриваемое право гарантирует многомерную защиту, поскольку оно защищает не только желания умершего, но и его родственников и взаимоотношения внутри семьи. Вопрос о том, попадает ли в сферу действия статьи 8 Конвенции право лица свободно принимать решения относительно трансплантации своих органов, является отдельным вопросом.

4. Правоприменительная практика Европейского Суда постоянно расширяла пределы личной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции. Исходя из недавних постановлений можно предположить, что защита личной жизни должна отождествляться с общей свободой принятия решений в персональных или личных вопросах. Следовательно, понятие «личной жизни» постепенно трансформируется в общую свободу действий, понятие, которое известно как *allgemeine Handlungsfreiheit*² в немецкой правовой науке. По моему мнению, такое широкое толкование статьи 8 Конвенции в правоприменительной практике Европейского Суда не имеет достаточного правового обоснования в Конвенции. Рассматриваемое положение иногда используется неправильно, чтобы заполнить пробелы в обеспечиваемой Конвенцией защите.

5. В настоящем деле Европейский Суд признал жалобу, поданную заявительницей от имени ее умершего мужа, неприемлемой для рассмотрения по существу. Это объясняется в мотивировочной части тем, что данная часть жалобы «несовместима *ratione personae*».

Я согласен, что статья 8 Конвенции неприменима к правам умершего мужа, рассматриваемым в этом деле. Подобное ограничительное толкование Конвенции более точно соответствует применимым нормам толкования соглашений. Однако я полагаю, что жалоба должна была быть объявлена неприемлемой *ratione materiae*, а не *ratione personae*. Я не усматриваю достаточно сильных доводов в пользу того, чтобы считать, что на решение относительно трансплантации органов распространяются понятия личной и семейной жизни, как их понимают согласно нормам толкования соглашений, установленным международным правом. Обобщая сказанное, Конвенцией только частично защищаются права в отношении трансплантации.

¹ *Ad libitum* (лат.) – по своему усмотрению (*примеч. переводчика*).

² *Allgemeine Handlungsfreiheit* (нем.) – всеобъемлющая свобода действий (*примеч. переводчика*).